

Двенадцать рождественских свиданий

Автор:

Дженни Бейлисс

Двенадцать рождественских свиданий

Дженни Бейлисс

Рождество для двоих

Рождество – время романтики и волшебства... для всех, кроме Кейт Тернер, которая считает свидания бессмысленной чепухой. Она занимается дизайном, помогает своему другу Мэтту с магазином выпечки и совершенно не хочет менять свою жизнь. А вот ее подруга считает иначе – поэтому записывает Кейт в агентство знакомств, чтобы успеть найти ей вторую половинку до праздников.

23 дня до Рождества. 12 странных, забавных, пугающих кандидатов, свидания с которыми оборачиваются настоящей катастрофой... и выбор, который нужно сделать, чтобы наконец поверить в любовь.

Дженни Бейлисс

Двенадцать рождественских свиданий

Jenny Bayliss

THE TWELVE DATES OF CHRISTMAS

Copyright © 2020 Jennifer Bayliss-Jennings

Moral rights of the author have been asserted

© М.Беляков, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

По стеклянной крыше кухни в доме Лауры барабанил дождь. Наступило второе октября, и все метеопрогнозы бабьего лета вместе с макияжем Кейт оказались смыты затяжными пронизывающими дождями.

Утром Кейт отправила в студию несколько черновых проектов и собиралась сделать перерыв, прежде чем приступить к следующей партии набросков. Ей требовалась смена обстановки – последние три дня она провела, зарывшись в своей кухне, среди эскизов и красок. И поэтому, когда Лаура в семь утра отправила ей сообщение, требуя встречи, Кейт согласилась. Она знала, что это ловушка, но уже смирилась со своей судьбой. Ее подруга была олицетворением настойчивости.

Лаура открыла ноутбук и забила в поисковике “Lightning Strikes”. Кейт заметила блики лиловых потеков недавно пролитого смородинового сквоша на крышке ноутбука. По краям экрана были наклеены два сияющих единорога с розовыми крыльями и одна веточка брокколи.

– У меня примерно сорок пять минут, пока дети спят, – сказала Лаура. – Хватит, чтобы тебя зарегистрировать, а затем – добро пожаловать в мир мужчин.

Кейт поморщилась.

На экране открылся сайт “Lightning Strikes”. На фоновой заставке серебрились звездочки и белые ягоды омелы. «Двенадцать рождественских свиданий»

светилось в центре экрана большими красными буквами, а под ними две кнопки: «Подробнее» и «Зарегистрироваться».

– Ты уверена? – спросила Кейт.

– Это абсолютно законно, – ответила Лаура. – Я все тщательно изучила, когда отправляла их предложение леди Блексфорд. Я же не могу рисковать; леди Блексфорд скормит меня собакам. Буквально. Без шуток.

– Так-то оно так, но я уже использовала приложения для знакомств, и поверь мне, мужчины не всегда пишут о себе правду, – возразила Кейт.

– Господи, расслабься! – воскликнула Лаура.

– Последнему было лет, как моему отцу. И кого вообще он хотел обмануть этим париком?

– Когда ты в последний раз встречалась с мужчиной? – спросила Лаура. Кейт собралась было ответить, но Лаура движением руки остановила ее. – Твой папа и Мэтт не в счет.

Кейт нахмурилась.

– Пол! – вспомнила она. – Мы еще ели тальятелле в таком маленьком итальянском ресторанчике в голубых тонах, в центре.

– Пол – твой бухгалтер, – сказала Лаура, – и к тому же он в браке с мужчиной.

Кейт надулась, но решила сдаться.

– Ладно. Давай посмотрим.

Лаура улыбнулась и хлопнула в ладоши. Больше всего она сейчас была похожа на шкодливого чертенка.

Честно говоря, Кейт уже заходила на этот сайт, прочитала все сообщения и почти решилась зарегистрироваться. Но она не говорила об этом Лауре. После затяжной военной кампании с потенциальным клиентом ее подруга заслужила право на триумф.

Лаура нажала «Подробнее», и экран обновился:

В первый день Рождества “Lightning Strikes” мне дарит вновь двенадцать шансов найти гармонию и любовь...

Кейт наклонилась, чтобы перечитать рекламный текст, написанный ее подругой. Лаура узнала об этом событии по работе, когда в ноябре прошлого года к ней обратилась маркетинговая команда “Lightning Strikes”. Они решили устроить свидания в поместье Блексфорд, где Лаура работала менеджером по персоналу – это было условное обозначение для менеджера по маркетингу и продажам, управляющего и личного секретаря для леди Блексфорд.

“Lightning Strikes” был лидером на рынке приложений для знакомств. Они явно гордились своим целостным подходом в этой области. И, если верить форумам, у них был довольно неплохой рейтинг.

Лаура убеждала Кейт зарегистрироваться с тех пор, как начала сотрудничать с “Lightning Strikes” около года назад. Кейт стойко держалась. По мере приближения начала свиданий атаки Лауры становились все напористей. Теперь, когда срок регистрации истекал через два дня, ее усилия достигли своего пика.

«Рождественские свидания» были комплексным предложением: двенадцать свиданий в двенадцати разных местах с 1 по 23 декабря. Это было недешево, разумеется, дороже, чем обычные выходные в спа-салоне, которые, по мнению Кейт, наверняка оказались бы лучшим времяпрепровождением. Акция была эксклюзивная и с ограниченным числом участников. С момента регистрации все свидания оплачивались вперед, и некоторые из них, с неохотой признавалась себе Кейт, были довольно забавными. Лаура использовала свои связи, чтобы заранее забронировать место для Кейт.

Для “Lightning Strikes” это был новый проект. Они испытывали его в небольшом пригородном секторе Лондона, в основном в Кенте и районах, доступных на скоростных электричках. Если проект окажется успешным, они развернут его уже по всей Англии. Если. Кейт в этом сомневалась. Задача казалась невероятной, ведь нужно было удаленно контролировать огромный район и координировать точное время и место свиданий ста пятидесяти сексуально взвинченных клиентов.

С первого же разговора Кейт резко отказывалась от этой затеи, а он состоялся, еще когда Лаура только баюкала под платьем кочан капусты, в котором потом нашелся малыш, что спал сейчас на втором этаже рядом с сестренкой.

– Не думаю, что хочу быть подопытным кроликом для сайта знакомств, – возмущалась Кейт.

– Да это же идеальный способ расширить свой круг общения, – возражала Лаура, поглаживая живот размером с баскетбольный мяч. – Ты серьезно пытаешься меня убедить, что тебе даже не любопытно?

– Не настолько, насколько ты думаешь. Что, если эта затея провалится и я потеряю деньги? – спрашивала Кейт.

– Не потеряешь, – успокаивала Лаура. – Это же бизнес, у них есть страховка для таких случаев. Ну что страшного там может случиться?

– Как насчет свидания с психопатом?

– Не забывай, я училась с тобой в университете, – напомнила ей Лаура. – Я помню парней, с которыми ты встречалась. И уверена, что хуже тех свиданий у тебя уже не будет. Я уже говорила о тебе с Келли, это мой контакт в “Lightning Strikes”.

– О, превосходно, – воскликнула Кейт, – ты обсуждаешь мою унылую личную жизнь с посторонними!

– Чтобы личная жизнь стала унылой, ей нужно хотя бы начаться, – возразила Лаура.

– Разговор окончен, – отрезала Кейт.

– Кстати, Келли сказала, что у них самые передовые технологии поиска. И еще что у них самые лучшие варианты мест для свиданий.

– Не сомневаюсь, – ответила Кейт.

– Ты ведь в курсе, что я беременна? Ты знаешь, какой у меня гормональный фон? Я могу запросто психануть на ровном месте.

– Ладно, продолжай, – сдалась Кейт, – я слушаю.

– Она рассказала мне, как это работает. Для каждого свидания можно выбрать одно из трех мест. Когда ты выберешь место встречи, тебе назначат кандидата, лучше всего соответствующего твоему профилю.

– А если никто моему профилю не соответствует? – спросила Кейт. – Так и придется скрести по сусекам из того, что осталось?

Кейт посмотрела на Лауру. Ее щеки покраснели, губы сжались, а бушующие гормоны давали о себе знать: в глазах вспыхнули огоньки. Надвигалась буря. Кейт улыбнулась своей лучшей успокаивающей улыбкой.

– Давай отложим этот разговор, – предложила она, обнимая взбудораженную беременную подругу. – Обещаю, что серьезно подумаю над этим.

С того разговора прошел уже год, а Кейт до сих пор думала. Все это время Лаура работала над материально-техническим обеспечением свиданий, которые были запланированы в поместье, и ее энтузиазм по поводу причастности Кейт к этому проекту рос в геометрической прогрессии. И вот время на раздумья истекло. Этот дождливый октябрьский день стал тем сроком, когда она должна была решить, стоит ли посвятить бо?льшую часть декабря, период и без того загруженный делами и приготовлениями, походам на свидания с нескончаемым потоком идеальных (если верить рекламе “Lightning Strikes”) незнакомцев.

Навязчивой идеи об отношениях у нее не было; она была не из тех женщин, что нуждаются в присутствии мужчины рядом. В то же время она считала, что

вполне может влюбиться. С тех пор как прервались ее последние долгие отношения, она не была на свиданиях в основном из-за лени. Кейт полагала, что она могла бы встретиться с мужчиной, пока жила в Лондоне, но это значило, что нужно будет пойти куда-то, поддерживать диалог, а ей после работы больше всего хотелось дойти до дома и слопать кусок пирога перед телевизором. А что касается свиданий в Блексфорде... Люди переезжают сюда либо когда заводят семью, либо выйдя на пенсию. Отсутствие холостяков, желающих купить собственность в этой дремлющей деревушке, прямо-таки бросалось в глаза.

Кейт вынуждена была признать, что ее пижамно-тостерный режим, продолжающийся каждый вечер перед телевизором ровно с 19:30, не способствует созданию счастливой сексуальной жизни. Но как бы ей ни хотелось встретиться с кем-то, в одиночестве было гораздо комфортнее. Свидание с самой собой было самым лучшим.

– Нужно уже определиться, – сказала Лаура, открывая застекленную входную дверь и впуская потрепанного полосатого кота. Один из сливных желобов забился опавшими листьями, и дождевая вода струилась по стеклу, словно водопад. – Ты не можешь не ходить на свидания и при этом торчать постоянно на сайтах знакомств. А за этим проектом будущее.

– Откуда тебе знать, миссис Замужем-с-детьми? – спросила Кейт.

– Я читаю «Космо», – уверенно ответила Лаура. – Там ерунду писать не будут.

– Может, у них есть каталог женихов? Я бы просто выбрала. А что, если это еще один бастион сексуального неравенства, который нам предстоит взять? – спросила Кейт.

Лаура сильным движением подтолкнула ноутбук в сторону Кейт. Наклейка с брокколи отслаивалась по краям. На кухне везде были разбросаны наклейки с разными овощами. Лаура пыталась приучить свою смышленную четырехлетнюю дочку Мину играть с ними. Но больше ими увлекся ее девятимесячный брат Чарли. Особенно ему нравилось лепить наклейки себе на голову.

Палец Кейт завис над кнопкой регистрации.

– Ты бы сделала это на моем месте? – спросила она.

Лаура в отчаянии вскинула руки.

– Конечно, – воскликнула она, – если, не дай бог, с Беном что-то случится, именно так я и найду себе нового мужа! – Она сделала паузу. – Хотя Бен сказал, что если умрет раньше меня, я должна отнести его в спальню и положить с собой на кровать, – продолжила она. – Он считает, что тот, кто сможет переспать со мной в таких условиях, будет считаться действительно достойным.

Лаура мечтательно улыбнулась. Кейт вздрогнула.

– Ладно, я подумаю и потом вернусь, – сказала она.

– Нет времени! – возразила Лаура. – У меня есть серьезные основания опасаться, что если ты не изменишь свой образ жизни, то впадешь в сырно-крекерную кому, и я обнаружу тебя в обмороке, с лицом, застрявшим в банке с маринованным луком. Действуй, – уговаривала она, – двенадцать свиданий, причем тебе даже не нужно никого искать. Поживи хоть немного.

Курсор скользнул по кнопке регистрации. Кейт чувствовала, как большие глаза Лауры сверлят в ней дыру, а ее колено нетерпеливо подергивается. «Что мне терять? – подумала Кейт, – разве что время, деньги и собственное достоинство».

Колено Лауры ускорило. Кейт глубоко вздохнула. Она позволила курсору еще несколько секунд повисеть, прежде чем кликнуть по мерцающей кнопке регистрации.

1 декабря. Первое рождественское свидание

Кейт Тернер осторожно наступила на хрустящие, покрытые льдом листья, стараясь не поскользнуться и не рухнуть на спину. Дороги перед собой она не видела из-за больших пластиковых контейнеров, которые держала в руках. Это

был один из тех прекрасных зимних дней, когда легкие наполняются чистым морозным воздухом, а небо такой синевы, словно на картинке в детской книжке, и дыхание вырывается густыми клубами пара, поднимающимися вверх, к солнцу.

Кейт толкнула дверь кафе «Грушевое дерево», и та отворилась с дружелюбным перезвоном колокольчиков над головой, знаменовавших прибытие посетителя. В кафе былолюдно, тепло и шумно, в воздухе витал запах свежемолотого кофе. По запотевшим стеклам стекал конденсат, затрудняя обзор застывшего зимнего пейзажа снаружи.

Несколько человек оторвались от своих капучино и помахали ей. Кейт, улыбаясь, кивнула им. Мэтт оторвался от дымящейся черно-серебряной кофемашины и тоже улыбнулся.

– Слава богу, – сказал он, когда черный эспрессо заструился в очередную чашку, – у нас закончились карамельные брауни утром, а то я думал, здесь будет бунт.

Волосы Мэтта всегда были взлохмачены, и сейчас они стояли торчком, как в рекламируемых модных прическах. У него была привычка ерошить их руками, когда волновался, и от этого делалось только хуже. Кто-то называл его шевелюру лохматой рыжей шваброй, сам же ее обладатель предпочитал выражение «земляничный блонд». Кожа у него была бледная, особенно по сравнению с оливковой кожей Кейт, и покрыта веснушками, проступающими на солнце. Мэтт их ненавидел, хотя они придавали ему некоторую моложавость, которую женщины, похоже, считали очень милой. В общем-то как и глубоко посаженные карие глаза, которые, как говорила его девушка Сара, делают его взгляд значительным и умным, хотя Кейт предпочитала, когда он немного щурился, словно бы от солнца.

Из зала раздался голос:

– Кто там говорит о брауни?

Мэтт очистил место на стойке, и Кейт с облегчением опустила на нее тяжелые ящики. От жары ее щеки пылали, и, когда она размотала шарф, ее волосы мгновенно распушились в душной комнате.

– Сюда, Терренс! – позвала она. – Горячие, прямо из печи.

Заскрипели стулья, завсегдатаи пробирались мимо свернувшихся на полу собак и сумок с покупками на Рождество, чтобы заказать пирожные Кейт.

– Есть еще несколько пирогов с начинкой, песочное печенье с апельсином и шоколадом и роки роуд, – перечислила Кейт.

– Ты просто спасительница! – воскликнул Мэтт. – Карла, можешь подойти принять заказы?

Он передал блокнот молодой официантке, которую сразу же окружила толпа клиентов, требующих сладкого. Мэтт занял свой пост у кофемашины, а Кейт обошла стойку и уселась на стул возле кофемолки.

– Хочешь чего-нибудь? – спросил Мэтт.

Он нацедил двойной эспрессо в широкую чашку, добавив сверху вспененные сливки; легким движением кисти сотворил на поверхности пены карамельный узор в виде листочка. Поставив чашку на стойку, где Карла могла его забрать, Мэтт перешел к следующему заказу.

– Флэт уайт, пожалуйста, – ответила Кейт, выскальзывая из пальто и укладывая его на спинку облезлого старого дивана.

– Ого! Ты сегодня принарядилась? Куда-то собираешься? – спросил Мэтт.

Кейт смущенно пригладила чайное платье в цветочек и запахнула кофту. Она нечасто надевала платье.

– Как тебе? Не чересчур? – спросила она.

– Не чересчур для чего?

– Сам знаешь. – Кейт наклонилась вперед и заговорщически прошептала: – Для первого свидания.

В глазах Мэтта что-то мелькнуло.

– Ах да, – произнес он, – совсем забыл. Конечно, чересчур, вернись домой, надень джинсы пошире и свитер с воротником потолще.

Кейт показала ему язык.

– Ладно, ладно. Двенадцать рождественских пистонов, верно? – усмехнулся он, вызываясь глядя на нее.

– Ты как выражаешься? – прошипела Кейт. – Это называется «Двенадцать рождественских свиданий»!

– Ну, между собой они называют это именно так, когда встречаются в баре, – насмешливо ответил Мэтт, неодобрительно качая головой.

– Ну и называй так в своей компании классических выпивох, – огрызнулась Кейт.

Мэтт улыбнулся, но Кейт все еще хмурилась.

– Так это свидание вслепую? – спросил он.

– Не совсем, – она полистала телефон, – они объединяют клиентов в группы, чьи профили соответствуют друг другу, а затем высылают фотографии тех, кого нам надо найти.

– То есть розовая гвоздичка в кармане пиджака необязательна?

Кейт отвернулась.

– И кто же счастливчик номер один? – снова спросил Мэтт.

– Его зовут Ричард. Занимается хедж-фондами, хотя я в этом никогда толком не разбиралась. Разведен, любящий отец двоих детей, – зачитала Кейт.

– Откуда ты знаешь, что любящий?

– Так он указал в своем профиле, – пояснила она.

– Ну, тогда можно не сомневаться! – воскликнул Мэтт. – Покажи-ка фотографию этого уника.

Кейт развернула экран телефона, показывая ему фото улыбающегося bruneta. Он был гладко выбрит, широкоплеч и весь в грязи, потому что стоял на поле в полном обмундировании с мячом для регби в одной руке.

Мэтт фыркнул.

– Похож на убийцу, – заявил он.

Кейт засмеялась.

– Вряд ли!

– Готов поспорить, у него сломаны уши, – продолжал Мэтт, с прищуром разглядывая экран.

– Мне это неважно, – ответила Кейт. – Я просто хочу встретиться с кем-то милым, не маньяком, не мафиози и не наркоторговцем.

– Список твоих бывших отношений ужасает! – сказал Мэтт.

– Я предпочитаю называть их необычными, – возразила она.

– Это твое обозначение для странных и пугающих?

– Просто у меня более интересная жизнь, чем у тебя.

– Ты просто не видела мою жену!

Кейт засмеялась. Мэтт достаточно хорошо знал деревенские нравы, чтобы понимать, что сплетню, уж коль она зародилась, опровергать бесполезно. Вряд

ли кто-то, за исключением разве что Эвелин, видел бывшую жену Мэтта, которому тогда было всего двадцать два. Его недолгий брак стал легендой Блексфорда; из уст в уста передавались истории о его таинственной невесте, начиная с того, что она была членом какой-то секты или даже воровкой драгоценностей, и заканчивая сплетней – это уже шептали недоброжелатели, – что Мэтт закопал ее на заднем дворе своего дома.

К счастью Кейт, у нее было два лучших друга. Второй – Лаура, надежно и навсегда вошедшая в ее жизнь, так что никакие расстояния или бешеный рабочий график, не позволяющий выкроить лишнюю минутку, не могли помешать их отношениям. С Мэттом отношения строились по-другому: он был лучшим другом детства, затем ее парнем, потом снова лучшим другом. Было времячко, когда Кейт поклялась, что никогда в жизни не переступит порог его кафе, не говоря уже о поставках своей выпечки.

– Мне пора, – сказала она, – я должна встретить Ричарда на скамейке в парке, и мы вместе пойдем в поместье.

Кейт спрыгнула со стула, накинула пальто, обмотав шарф вокруг шеи, и попрощалась с завсегдатаями «Грушевого дерева» – они помахали ей вслед с набитыми выпечкой ртами.

– Оторвись на полную! – сквозь шум крикнул Мэтт. Потом затянул «Первый пистон Рождества...», но Кейт обернулась и показала ему язык.

– Эй! – крикнул он, когда она была уже в дверях, и в помещение ворвалась струя морозного воздуха. Кейт оглянулась, прищурившись в ожидании очередного сарказма.

– Держи! – Он кинул ей один из шотландских пледов, которые держал для закаленных клиентов, предпочитавших сидеть на улице. – Скамейка, наверное, промерзла.

– Спасибо, – ответила Кейт и с пледом в руках вышла на холодную улицу.

– Не хочу, чтобы ты заработала геморрой! – донеслось ей вслед. Кейт, улыбаясь, покачала головой и двинулась по заиндевавшему газону к скамейке.

В центре Блексфорда располагался маленький сквер с газоном, вокруг которого теснились кафе, паб «Герцогский шлем» и небольшой, но прибыльный магазинчик на углу, где хозяйничала вечно занятая Эвелин. Центр деревеньки окружали деревья и коттеджи.

Кейт расправила одеяло. Часть его постелив на скамью, а частью закутав колени, она уселась и стала ждать. В центре лужайки возвышалась ель, усыпанная разноцветными фонариками, и еще несколько гирлянд поменьше украшали кронштейны магазинов и паба. Даже по лиственным деревьям, представлявшим собой в эту пору всего лишь скелеты без убранства, стекали разноцветные огни.

Над табличкой, указывающей на поместье Блексфорд, высился ярко-красный колпак Санта-Клауса, и именно в том направлении сейчас двигался основной поток транспорта, авто и такси. Кейт догадалась, что они тоже едут на первое из двенадцати рождественских свиданий, поскольку обычно к поместью не бывало такого трафика. Пара вездеходов с трудом одолевали узкую дорогу, несколько машин свернули на парковку возле магазина, чтобы свериться с навигатором.

Кейт была рада снова вернуться сюда. Поначалу она скучала по городской жизни, но теперь у нее было ощущение, что удалось взять лучшее от обоих миров. Она разрабатывала дизайн тканей за своим кухонным столом, глядя на сад и грядки за окном. Когда ткани были готовы к печати, она садилась на поезд, уносящий в суету города к лондонскому офису. Слишком значительная часть ее самой была привязана к окружающему, тому, что раньше она считала само собой разумеющимся: прогулкам и походам, любованию природой, всему, что вдохновляло ее на творчество.

И все же нелегко было сделать этот шаг и возвратиться в Блексфорд. Когда ее мать четыре года назад укатила в Испанию с агентом по недвижимости Джерри, который должен был помочь ее родителям с жильем, которое они присматривали для выхода на пенсию, ее отец Мак был просто в отчаянии.

Все пребывали в шоке; только вчера ее родители вместе присматривали себе домик, где провести вдвоем старость, и вот мама бросает все и пропадает в Испании.

Почему-то Кейт считала, что мать перебесится по прошествии нескольких лет и осознает, какое сокровище она потеряла, уйдя от мужа. Но возраст, как выяснилось, не сказался ни на ее амбициях, ни на сексуальном влечении.

Именно Мэтт тогда позвонил Кейт, чтобы предупредить, как сильно отец сдал в эмоциональном плане. Он пробежал мимо его дома и заметил, что Мак спит пьяный, навалившись телом на стол, а рядом с ним пустует бутылка из-под виски.

Этот телефонный звонок стал их первым разговором за десять лет. В университете между ними случился грандиозный разрыв, после которого они прекратили всяческие контакты друг с другом. Но состояние отца все же привело к вялому общению, в основном они переписывались и изредка перезванивались, чтобы поговорить. Но это были лишь холодные, натянуто-вежливые диалоги.

Первые несколько месяцев Мэтт приглядывал за отцом по будням, а Кейт приезжала каждые выходные. Так можно было легко избегать друг друга. Но оказалось, что рана, нанесенная Маку, глубже, чем можно было поначалу представить. В конце концов у него случился глубочайший кризис, и Кейт поняла, что ей необходимо быть с ним чаще, чем с вечера пятницы до воскресенья. Она сдала свою квартиру в Кеннингтоне и вернулась в дом, где провела детство.

На ее счастье, в «Либерти» был очень понимающий коллектив. В ее контракт внесли изменения, и она получила возможность работать из дома. Для делового общения Кейт использовала скайп и электронную почту, отправляя фото эскизов в офис. Она могла взять столько заданий, сколько хотела, и это было неоценимо, особенно в первый год по возвращении в Блексфорд.

Ее переезду радовался не только отец; Лаура также была этим довольна, к тому же она только что обнаружила, что беременна своим первенцем, Миной.

Лаура собиралась вернуться в Блексфорд, еще учась в университете. Она была влюблена в это поместье с детства, помешана на его истории и работала там неполный день еще до студенчества. А лорд и хозяйка поместья почти пообещали ей работу по окончании университета.

Кейт же, равно как и Мэтт, наоборот, никогда не хотела возвращаться туда. Но жизнь все расставляет по своим местам и способна перевернуть любые планы с ног на голову.

На подлокотник скамьи приземлилась малиновка. Она выжидающе смотрела своими черными, как оникс, глазками, а клюв дергался, словно бы вращаясь по часовой стрелке.

– Извини, у меня для тебя ничего нет, – сказала Кейт.

Птичка покрутила головой.

– Он опаздывает на первое свидание, – поделилась Кейт с малиновкой. Та резко вспорхнула, оставив на бетонной плите около скамейки белую кляксу. Кейт покачала головой.

– Именно, – подтвердила она, – словно в душу.

Малиновка приземлилась на ветку остролиста у входа в Гончарный переулок. Ее красная грудка выделялась на фоне темных колючих листьев. Кейт вынула из кармана телефон и сфотографировала ее. Ее мозг по привычке заработал: плотный хлопок, выгнутая грудка с перышками, тугие, блестящие бутылочно-зеленые листья, острые и с изгибом наружу. Кейт почти физически почувствовала кисточку в пальцах.

В восемнадцать она так отчаянно жаждала сбежать из сонного пригорода, что не замечала, как прекрасна смена времен года в сельской глуши. Вернувшись обратно, закаленная переездами и городом, здесь она нашла свежую струю вдохновения, ее дизайны приобрели новый стиль и уверенность, восхитив менеджеров, что привело к ее повышению.

Постепенно отцу стало легче, он пришел в себя, снял домик у леса. Решил начать все сначала. Кейт же нужно было где-то жить; она взяла ипотеку в старом коттедже, и они неплохо ладили под одной крышей.

С мая Кейт работала по пять-шесть дней в неделю, чтобы потом, в декабре – своем любимом времени года – сократить рабочую неделю до трех дней. Когда

она ознакомилась с плотным графиком рождественских свиданий, то была рада, что поступила так дальновидно.

Кейт взглянула на часы. Без десяти четыре. Она ждала уже двадцать минут. Им нужно будет поторопиться, чтобы успеть в усадьбу к 16:00 на послеполуденный чай. В животе у нее заурчало. “Lightning Strikes” не отображали номера своих клиентов, так что Кейт даже не могла позвонить Ричарду, чтобы узнать, придет ли он. Она подумала о гудящем пламени усадебных каминов, сложенных из крупных булыжников, и зябко поежилась, засунув ладони под плед.

Усадьба была построена в семнадцатом веке, вокруг нее и вырос городок Блексфорд. Поместье принадлежало семье Блексфордов, и когда-то они являлись работодателями для всей округи. Но, как и многие старинные величественные сооружения, поместье было бездонной денежной ямой, и к началу двадцатого века казна Блексфордов, казавшаяся неисчерпаемой, наконец иссякла. Трагический след двух мировых войн, затронувший каждую семью, не стал исключением и для Блексфордов. Светские рауты становились все скромнее, и грандиозные балы, становившиеся поводом для обсуждения у всего герцогства, остались только в воспоминаниях. К началу семидесятых у Блексфордов оставалось два выхода: продать поместье или сделать на нем бизнес. Они выбрали последнее, и поместье открылось для посещения туристами. Сейчас лорд и леди Блексфорд проживали в восточном крыле своего роскошного особняка, деля свое родовое гнездо с туристами и свадебными застольями, а в течение последнего месяца еще и с одиночками, надеющимися найти свою любовь.

Начинало смеркаться. Небо затухало, словно кто-то крутил диммер, от ярко-голубого к притушенному синему, а потом – к холодному серому. Окна, украшенные рождественскими гирляндами, вспыхивали в сгустившемся воздухе, дети и их родители возвращались по домам. Ветки старой ели поскрипывали, когда поднимался ветер. Кейт поплотнее закуталась в плед, жалея, что не надела вторую пару носков.

Чья-то рука легонько тронула ее за плечо. Кейт подскочила от неожиданности и обернулась. Но это был Мэтт. Он протянул ей бумажный стаканчик с пластиковой крышкой.

– Горячий шоколад, – произнес он. – Наверное, ты здорово замерзла.

– Спасибо, – ответила Кейт. – Да. Пожалуй, я пойду.

– Может, он заблудился? Или попал в больницу?

– А может, ему просто не понравилось, как я выгляжу на фото, – предположила Кейт.

– Ну, тогда он, наверное, слепой, – возразил Мэтт, – или кретин. Или все вместе.

Кейт грустно улыбнулась, обхватив чашку замерзшими ладонями.

– Может, зайдешь внутрь? – предложил Мэтт. – Тут одна женщина поставляет мне замечательные пирожные. Можешь взять одно. За счет заведения.

– Дам ему еще десять минут.

– Ты же не из последовательниц мисс Хэвишем[1 - Амелия Хэвишем – героиня романа Чарлза Диккенса «Большие надежды», брошенная у алтаря и пожелавшая носить свадебное платье до конца жизни. – (Прим. ред.).]? – Мэтт обхватил себя руками, пытаясь согреться. Он выскочил из кафе без верхней одежды, а старая фланелевая рубашка мало спасала от холода. Светлые волоски на его веснушчатых руках стояли торчком. Ростом Мэтт был пять футов и одиннадцать дюймов[2 - В 1 футе 30,48 см, в 1 дюйме – 2,54 см (прим. ред.).] и всегда сокрушался, что не дорос до шести футов, хотя иногда взлохмаченные волосы позволяли ему достичь желаемой планки. Он был строен, несмотря на то что ел как слон и при этом не набирал ни грамма лишнего жира. Эвелин говорила, что все от нервов. Кейт отвечала, что это чертовски несправедливо.

Она улыбнулась.

– Нет пока. Но если все двенадцать свиданий меня так продинамят, я точно заработаю себе комплекс.

В дверях кафе появилась Карла.

– Мэтт! – крикнула она. – Тебя к телефону. Что-то насчет утиных яиц.

– Иду! – крикнул ей Мэтт. – Мне пора. Не задерживайся здесь долго. Я не хочу, чтобы тебя нашли утром замерзшей на этой скамейке.

Кейт кивнула.

– Спасибо за шоколад! – крикнула она ему вслед. Мэтт махнул ей, не оборачиваясь.

Приятель унаследовал кафе, представлявшее собой одновременно пекарню и кондитерскую, от своей матери Пип. Двадцать лет подряд она управляла им, пока однажды вечером не погибла в автомобильной аварии вместе с сестрой Мэтта Кориной. Они возвращались после похода по магазинам. Мэтту было тогда всего семнадцать. После их смерти ему многое пришлось на себя взвалить. Адвокатам в конце концов удалось связаться с его отцом, но они с Мэттом не были знакомы – тот бросил их, когда сын был ребенком, не оставив даже адреса. Мэтт дал понять, что не хочет иметь с ним ничего общего. Мак выручил его тогда. Он решал вопросы с похоронным бюро, вместе с Эвелин взял на себя и улаживание большей части проблем с банками и адвокатами. Кейт помнила: маму раздражало, что ее отец проводит с Эвелин столько времени.

Эвелин была крестной матерью Мэтта и настоящей находкой во всех отношениях, хотя, когда он был подростком, они не ладили. Пип и Эвелин были лучшими подругами. Они познакомились в первом классе школы для девочек и никогда не расставались. То, как Эвелин говорила о Пип, напоминало Кейт ее дружбу с Лаурой. Когда отец Мэтта ушел, Пип было тридцать пять, у нее на руках было двое детей и свой бизнес. Эвелин стала для нее отдушиной и верной помощницей в повседневных делах. И когда, в свою очередь, муж Эвелин скоропостижно и неожиданно скончался, оставив ее вдовой в сорок пять лет, Пип разделила с ней скорбь и была для Эвелин опорой до тех пор, пока подруга не оправилась и не стала справляться без поддержки.

Пип оставила завещание, в котором Эвелин числилась официальным опекуном детей на случай, если с ней что-то случится. Никто не ждал никакого несчастья.

Что касается Мэтта, когда-то наглого, беспечного подростка, смерть близких сильно изменила его. Да и как могло быть иначе? Он был раздавлен горем, растерян, в нем кипел гнев отчаяния. И за этим незаживающим нарывом была еще какая-то дерзость, чувство, что мир остался должен ему, должен его долю

счастья. Так, по крайней мере, было в его отношениях с Кейт. Это стало слабым звеном их любви, между обожанием и ненавистью была настолько тонкая грань, что разрыв казался неизбежен, и как всегда в таких случаях, он редко бывает мирным.

Эвелин поселила Мэтта в своем доме в качестве опекуни. Она яростно, словно львица, защищала его интересы – деловые, образовательные, воспитательные. Крестная позаботилась о том, чтобы за его домом приглядывали, пока Мэтт не будет готов снова там поселиться. Она сдала пекарню в аренду пожилой паре, которая управляла ею в течение пяти лет, пока не ушла на пенсию. Мэтту тогда было двадцать два, он недавно женился, устроился на работу в крупную бухгалтерскую компанию в Манчестере, имел неплохие перспективы; Эвелин передала ему бразды правления финансовыми делами, и он сдал заведение в аренду другой семье. Но, к несчастью, те быстро угробили бизнес и однажды ночью испарились, забрав из магазина все ценное и оставив после себя только кипу долговых обязательств.

Мэтт не стал возвращаться в Блексфорд, чтобы спасти бизнес. Он был слишком занят своей взбалмошной невестой и заоблачными карьерными достижениями, но при этом не пытался сдать бизнес в аренду снова. Вместо этого он расплатился по счетам, закрыл заведение и оставил его, словно окаменелость или старинный храм. Пекарня «Грушевое дерево» стала забытой повестью, словно старая книга, которую уже никогда не прочтут, но с которой жалко расстаться.

Мать Кейт, которая тогда, кажется, еще испытывала большой интерес к недвижимости, пыталась убедить Эвелин заставить Мэтта продать помещение и тем самым хоть немного возместить свои убытки. Однако Эвелин была совершенно уверена, несмотря на то что все говорило о совершенно противоположном, что Мэтт когда-нибудь вернется в Блексфорд. «Грушевое дерево» стояло в запустении несколько лет. Окна были заколочены, сад пришел в упадок, а то немногое, что осталось внутри, окончательно развалилось. Приезжая навестить родителей, Кейт иногда пробиралась через заднюю калитку, шла через высокую траву, заглядывая сквозь щели в ставнях. Ей хотелось вернуть ту искру счастья, которое она испытывала когда-то в этом месте, на площадке ее детских игр. Словно к воспоминаниям можно было прикоснуться, их можно было достать, как часы, и повернуть ход стрелок вспять. Но ей так ни разу это и не удалось.

После развода – их брак не протянул и двух лет – Мэтт, как и предсказывала Эвелин, вернулся в свой родной дом в Блексфорде. Ему было почти двадцать пять, он был одинок и немного подавлен опытом прошлых лет; не стал и покорителем столицы, каким себя представлял. Следующий год парень провел, полностью переделав и отремонтировав свое заведение и, наконец, заново открыв там кафе «Грушевое дерево».

Он попросил Мака помочь с ремонтом, и старик был только рад этому. Несмотря на разрыв Мэтта с Кейт, ее отец питал к нему теплые чувства. К тому же Кейт была в то время далеко, и вряд ли ее могло это задеть. Она была слишком занята своей карьерой в «Либерти» и новыми отношениями с Дэном; в Блексфорд она возвращалась редко. Вопреки мнению Мэтта, ритм большого города вполне ей подходил. Переезд в пригород казался страшным сном.

Дэн должен был стать Тем Единственным. Для этого в нем было всё, все необходимые ингредиенты, но – как в конце концов должна была признать Кейт – в неправильном соотношении. Их встреча была идеальной с романтической точки зрения: однажды утром в воскресенье она прогуливалась немножко с похмелья и наклонилась, чтобы поднять, как ей показалось, четырехлистный клевер. Дэн был на пробежке; как раз в этот момент он обернулся, – ему показалось, что его кто-то зовет, – и врезался в Кейт, отчего оба рухнули на землю. Это была если не любовь, то точно страсть, вспыхнувшая с первого взгляда. Ей было двадцать пять, она мечтала о чем-то большем, чем могла реально рассчитывать. Ему двадцать восемь, подтянутый, открытый и ищущий кого-то, кто сможет идти с ним в ногу. Кейт могла. Дэн, будучи ландшафтным дизайнером, обожал природу, как и она сама. Но четыре года спустя они перестали вдохновлять друг друга.

Когда Кейт вернулась, чтобы ухаживать за отцом – как раз после недавнего расставания с Дэном, она наслаждалась тем, что может дышать полной грудью, как это всегда бывает с окончанием токсичных отношений. Кафе «Грушевое дерево» уже было процветающим бизнесом, завоевавшим себе верных поклонников среди жителей Блексфорда. Несмотря на сильное желание покинуть это место, Кейт в скором времени вынуждена была признаться себе, что успех Мэтта словно бы подстегнул ее притязания на этот городок и не позволил ей уехать.

Недавно отремонтированную кухню Мэтт сдал в аренду Карле и ее матери, включив их блюда в меню своего кафе, а также сделал скидку на напитки для

заседаний книжных клубов и всякого рода сообществ. В таком маленьком и сплоченном коллективе, которое представлял из себя их городок, его кафе быстро стало центром, вокруг которого вращалась вся общественная жизнь Блексфорда.

Кейт избегала «Грушевое дерево», как вредный фастфуд. Когда ей хотелось кофе, она ехала в Блексли, а если встречала на пути Мэтта, переходила на другую сторону дороги или ныряла в кусты. Первое время в кустах она проводила много времени. Кругленькая сумма, потраченная на шикарную кофемашину, помогло ей решить проблему кофеиновой зависимости, а вот найти способ избежать встреч с Мэттом в таком маленьком городке оказалось непросто.

Кейт зябко поежилась. Десять минут истекли, и дневной свет почти полностью померк. На крышах автомобилей поблескивала изморозь, а на безоблачном небе высыпала бриллиантовая россыпь звезд. Становилось все холоднее.

Телефон пиликнул.

«Ты где?»

Это было сообщение от Лауры.

Онемевшими пальцами Кейт набрала ответ.

«Я на месте! Сажу на скамейке в скверике, сиськи морожу. Задница, похоже, уже примерзла к скамейке. Придется ампутировать».

Ответ пришел немедленно.

«Что за хрень! Он не знает, что теряет. Хочешь, я найму киллера?»

Кейт вздохнула с усмешкой.

«Если тебя не затруднит».

Ричард не придет. «Блестяще. Я не могу устроить себе свидание даже за деньги». Кейт была разочарована, но не настолько, чтобы пропустить свой маленький чизкейк к полднику. Она попросила Лауру заказать ей пирожные в пакете.

«Давай, все равно подходи в поместье! Никогда не знаешь, чем может закончиться чужое свидание!»

Лаура поставила подмигивающий смайлик.

«Не могу. Слишком замерзла. Мне нужны кофе с собой и много чизкейков. Для полного выздоровления».

«Заметано. Целую».

Кейт встала, пошатываясь, руки и ноги совсем застыли от холода. Пальцев на ногах она вообще не чувствовала. Свернув плед, решила положить его в деревянную корзину у входа в кафе, где Мэтт его потом заберет. Сейчас у нее не то настроение, чтобы выслушивать подколы, даже если они дружеские и безобидные. Она сжала чашку, собираясь потом выбросить ее в переработку, и направилась домой.

В «Герцогском шлеме» кто-то играл на старом расстроенном пианино. Дребезжащая мелодия, напоминавшая «Танец Феи Драже» Чайковского, неслась по улице, смешиваясь с звоном колокольчиков у входной двери магазина Эвелин. Заиндевшая трава серебрилась в свете фонарей. Перекрикивались дрозды, устроившиеся на ночлег в зарослях остролиста, которые тянулись вдоль дальней стороны площади и уходили в Гончарный переулок.

Отопление дома работало, но Кейт решила еще затопить печь на кухне и в гостиной. Спеша домой, она согревалась, представляя, как будет это делать.

В холодильнике оставалась лазанья, приготовленная Карлой, у плиты стояло полбутылки хорошего красного вина, а над кофемашиной – солидный запас шоколада в жестяной банке. Кейт мысленно улыбнулась, выдыхая клубы пара; свидание с парнем не удалось, но дома ее ждал настоящий праздник, а по BBC как раз будут показывать «Гордость и предубеждение». И еще неизвестно, что лучше.

Кейт вздрогнула, когда ее окутал теплый домашний воздух. Захлопнув дверь, она закончила этот ледяной вечер. Автоответчик телефона на столе мигал красной тройкой. Кейт нажала «Прослушать» и пошла разжигать камин в гостиной. Из телефона до нее донесся громкий голос.

«Алло? Алло? Кэти, детка, ты там?»

Мама. Сообщение закончилось, началось следующее.

«Кэти, детка, это мама. Я получила на выходных посылку. Вижу, что для Джерри ничего нет. Кэти, милая, я тебя прошу, постарайся!»

Кейт нахмурилась, подсовывая смятую газету под горку лучинок. «Постарайся! – фыркнула она про себя, чиркая спичкой и бросая ее на бумажный ворох. – Пусть скажет спасибо, что упомянула его в открытке».

Джерри был не так уж плох, признавала она. Он очень старался, когда они встречались с мамой, хотя это случалось и нечасто. У него была квартира-студия в Чизвике, где он жил, когда участвовал в процессах в Англии, и Кейт всегда к нему хорошо относилась. Но покупать ему рождественские подарки она была еще не готова.

Посылку Кейт отправила матери еще три недели назад, чтобы быть уверенной, что ее наверняка доставят в положенное время. Она упаковала последнее произведение маминого любимого автора, лосьон для тела от Элизабет Арден, на который ей намекали с октября, шарф и пару пушистых вязаных носков в фиолетовую и зеленую полоску. По ее мнению, в декабре бывает холодно даже на Пальма-де-Майорка. Кейт поручила вязание Петулии – одной из участниц блексфордского клуба «Секси-кошечки и клубочки», лишь по недоразумению официально именовавшегося центральным пабом, поскольку более подходящего

места для их кружка не нашлось. Ее мать и Петулия были близкими подругами до того, как у матери случилась вторая юность и она сбежала из дома с Джерри. Хотя вслух это и не произносилось, Кейт знала, что Петулия старается заботиться о ней после отъезда матери. В последний момент Кейт все же решила, что глупо оставлять Джерри без подарка. Она не могла заставить себя купить что-нибудь домашнее типа носков или лосьона после бритья, поэтому отправила матери купон на романтический ужин в ресторане на набережной как некий жест в сторону ее спутника.

Красный огонек индикатора начал подрагивать, попеременно загораясь и угасая, сигнализируя конец сообщения. Началось следующее.

«Кейт Амелия Тернер, перезвони мне! Есть новости. Никогда не догадаешься. Перезвони на мобильный».

Кейт вздохнула. Она надеялась, что мать не сотворила очередную глупость. У нее всегда была привычка очертя голову прыгать в омут. Кейт нажала на кнопку короткого набора маминго номера. Три гудка, и та подняла трубку.

– Кэти, милая! – Мамин голос звенел в динамике пронзительно и нервно. Она всегда была полна какой-то неистовой энергии, точно дикая лошадь.

Кейт часто задавалась вопросом, как так вышло, что ее родители вообще поженились. Мама была такая общительная, любила шумные вечеринки, у ее голоса было всего две интонации: громко и оглушительно. А ее папа Мак (сокращение от Маккензи – он ненавидел свое полное имя) наоборот, любил уединение. Ему нравились sudoku, вечерний чай, он избегал вечеринок, словно это были болота с крокодилами.

– Как ты, девочка моя милая? – ворковала мама.

– Я в порядке, мам. Как ты? – ответила Кейт.

Мать громко засмеялась. У нее был смех богатой наследницы, устраивающей вечеринку годах этак в 1920-х: ужасно шумно, зато до невозможности шикарно.

– Дорогая, не поверишь, где я сейчас!

– Не в Испании? – уточнила Кейт.

Ей пришло в голову, что мама вдруг вернулась в Англию на Рождество. Неловкая ситуация тогда получилась бы. До сих пор Кейт была избавлена от проблемы выбора, с кем из родителей провести Рождество.

– Вообще не попала! – взвизгнула мама. – Мы на Барбадосе!

Кейт отодвинула трубку подальше от уха.

– Можешь себе представить? – продолжала мама. – Рождество на Барбадосе!

Кейт могла представить. Она почувствовала облегчение и одновременно укол вины за это возникшее чувство.

– Как вас угораздило?

– В общем, на прошлой неделе я продала яхту одному джентльмену, и он сказал, что у него есть еще одна, в Барбадосе, и что он собирается ее продать. Он показал мне несколько фотографий, но я ответила, что Барбадос немного не наш профиль. Но прежде, чем я поняла, что происходит, он переговорил с Сержем, помнишь Сержа, милая? Моего начальника? Клеился к тебе, когда ты приезжала в прошлом году. Кстати, не такой уж плохой вариант, девочка моя. Возраст – это просто число, ты в курсе, что вполне активная сперма вырабатывается у мужчин аж до смерти...

– Мама! – воскликнула Кейт.

– А, что? На чем я остановилась?

– Тот мужчина поговорил с Сержем насчет яхты.

– Точно, – продолжила мама, – короче, он поговорил с Сержем, и мне лично поручили сюда приехать и произвести оценку. Мы остановились прямо на ней, чтобы получше изучить.

– Вау! Это восхитительно. Уверена, Джерри был доволен, – сказала Кейт.

– Он вообще на седьмом небе, милая. Каникулы! Он не надевал брюки с самого приземления.

Эта информация была для Кейт уже лишней. Она представила себе Джерри в плавках, и ее передернуло.

Джерри было около шестидесяти, высокий, с бронзовым загаром и густыми седыми волосами, безукоризненно стильный, словно пластиковый дружок Барби – Кен. Они с матерью хорошо смотрелись вместе. Она была страстной, с полными губами в форме сердца – Кейт унаследовала их от нее; длинными волнистыми волосами, когда-то темно-каштановыми, а теперь крашенными в контрастные темные и светлые оттенки русого. В Джерри, казалось, воплотился ее идеал. Он был активным, все время в гуще деловых событий, и всегда тратил свои комиссионные прежде, чем они успевали попасть на его счет в банке.

Многие годы мама Кейт имела дела с такими людьми, как Джерри, но по той или иной причине все его предшественники потерпели неудачу; вечеринки их были скромными, а дорогие тачки взяты напрокат. А мама не была душой, чтобы делать ставку на того, у кого, кроме дорогого смокинга, не было ничего такого, что не мог предложить ей Мак. Как только кто-то делал ей предложение поехать к нему в его трешку в Дептфорде, ее страсть остывала быстрее дешевого шампанского в ведерке со льдом.

Со стороны могло показаться, что брак ее родителей не был счастливым, но это не так: отношения могут быть странными, но при этом необязательно несчастными.

Ее отец знал об увлечениях матери – без деталей, конечно, она была очень осторожна, – но, как бы то ни было, он с этим мирился, понимая, что в конце концов она всегда возвращается домой.

И мама тоже нуждалась в Маке, как в компасе или маяке, чтобы не угодить в бездну. Его гравитация удерживала ее на орбите, и она всегда была рада вернуться в сферу его притяжения после долгих странствий. Это было противостояние, и оно, в принципе, обоим устраивало, пока в их жизни не появился Джерри.

Кейт была еще подростком, когда начала догадываться, что означают ночные отсутствия ее матери. Возможно, ее собственная расцветающая сексуальная чувственность открыла ей глаза на то, что раньше было задернуто покрывалом невинности. О таких вещах дома не говорили. Кейт даже не была уверена, знали отец. И она не могла обсудить это с матерью. Окружающие упорно игнорировали слона в посудной лавке, пока он не растоптал их.

– Ночью так хорошо, мы спим на балконе абсолютно голыми, – рассказывала мама. – На набережной есть салон, там девушка делала мне эпиляцию бразильским воском. Ты пробовала, милая? Это просто супер.

Кейт помотала головой, стараясь отогнать картинку в мозгу.

– Так когда вы возвращаетесь? – спросила она.

– Самолет в Испанию двадцать девятого. Почему бы тебе не приехать, отпраздновать Новый год с нами? Тебе понравится! – предложила мама.

– Попробую в следующем году.

Она слышала, как ее мать вздыхает на том конце.

– О, милая, ты всегда так говоришь. Чего ты тянешь? – спросила мама Кейт. – Я бы могла тебя здесь познакомить с сотней мужчин. Я вроде немного хочу, просто чтобы у меня были внуки до того, как я стану настолько старой, что не смогу с ними возиться.

– Мама... – устало сказала Кейт.

– Да я просто говорю. Часики-то тикают...

– Мама! – воскликнула она.

– Ладно, ладно. Как там Мак? – спросила мама.

– Все в порядке, – ответила Кейт, – просто замечательно.

Дочери хотелось бы что-то рассказать об отце, чтобы произвести впечатление на маму, заставить ее задуматься о том, что она упускает; но она сомневалась, что его овощи, какими бы замечательными они ни были, справятся с такой задачей.

Активность Мака всегда была незаметной. С государственной службы он уволился, но иногда еще привлекался в качестве консультанта. Он растил овощи, чинил вещи, подолгу гулял по окрестностям, делал записи для Королевского общества защиты пернатых о птицах, которых замечал в сделанных им кормушках и скворечниках. Кейт любила эту черту в отце, но этого было недостаточно, чтобы разжечь фитиль маминого чувства. В этом, как полагала Кейт, и крылась проблема их отношений: мама всегда была салютом, папа – бенгальским огоньком.

А в дочери было намешано от обоих. Она унаследовала мамино стремление к успеху и тихое упорство отца. Она должна была сказать спасибо итальянским корням матери за длинные черные ресницы, изящную фигуру, но зелеными глазами и острым носом одарило ее семейство Тернеров. Представления об этике и любовь к природе она взяла от отца, а стремление к новым достижениям – от мамы. И хоть ей не хотелось это признавать, она также унаследовала и нежелание связывать себя длительными отношениями – конечно же, от мамы. Ее воспитание, хоть и замечательное во всех отношениях, осложнялось бескомпромиссной неприязнью и даже страхом перед любой фальшью. Возможно, именно эта черта была повинна в том, что в свои тридцать четыре Кейт еще была одинока.

Она вышла на кухню, зажав телефон у уха, и разожгла печь.

– Он с кем-нибудь встречается сейчас? – спросила мама.

– А тебе какое дело? – ответила Кейт. Это прозвучало резче, чем ей бы хотелось.

Мама фыркнула.

– Злюка, – сказала она, – ты всегда была папиной дочкой.

– Просто не понимаю, почему тебя это так интересует. Встречается или нет, для тебя это значения не имеет.

– Я хочу, чтобы он был счастлив, – призналась мама.

– Хорошо, он счастлив. – Кейт решила, что пора сменить тему. – Ладно, что у вас будут подавать на вашем барбадосском рождественском вечере?

– Мы решили держаться традиций, дорогая. Забронировали номер в пятизвездочном отеле, там и поужинаем.

– Всего пять звезд? – удивилась Кейт.

– Не надо сарказмов, милая. Это не лучшее качество в человеке.

Кейт откупорила бутылку вина, налила себе полный стакан и глотнула.

– Перед отъездом я отправила тебе подарок на Рождество, – продолжала мама. – Дай знать, как доставят.

– Хорошо, – ответила Кейт, устанавливая таймер в микроволновке.

– Мне пора, детка. Джерри приготовил коктейли. Передай всем привет. Люблю тебя, Кэти! – крикнула мама.

– И я тебя люблю, мама.

Как только Кейт повесила трубку, раздался звонок в дверь. Она пошла открывать со стаканом. Это была Лаура, улыбающаяся и с большой картонной коробкой в руках. У подруги была поистине эльфийская внешность, она выглядела гораздо моложе, чем была на самом деле. У нее были карие глаза, сердцевидная форма лица и маленький носик, который ужасно бесил бы Кейт, если бы она не любила так сильно свою подругу. Она носила короткую стрижку в стиле пикси, отчасти чтобы не мучиться с волосами; до рождения детей у нее было каре. Если представить за спиной Лауры пару крыльев, будет в точности фея Динь-Динь.

– Срочная доставка пирожных, – объявила Лаура.

– Я тебя обожаю.

– Я знаю.

– Ты зайдешь? – спросила Кейт.

– Не могу. Мама Бена забирала детей. Она там уже почти с ума с ними сошла.

– Весомая причина, – сказала Кейт. – Ладно, как там все прошло?

– Реально, было очень круто, замечательная атмосфера. Жаль, что ты не пришла.

– Мне бы не хотелось быть единственным человеком на групповом свидании без пары.

– Да кому нужен этот Хрен! – воскликнула Лаура.

– Его звали Ричард, – напомнила ей Кейт.

– Для меня он теперь просто Хрен.

Кейт помахала Лауре, закрывая дверь. Та улыбалась, стоя на холоде, затем повернулась и ушла по безлюдной улице.

Кухню заполнил запах лазаньи. Кейт сняла крышку с коробки с пирожными. Десять искусно украшенных пирожных лежали вплотную друг к другу – крошечные съедобные произведения искусства. Улыбнувшись, она задернула шторы и включила DVD.

– Мистер Дарси, я иду к вам! – воскликнула она.

2 декабря. Второе рождественское свидание

На следующее утро, когда Кейт чистила кисти после раскрашивания утренних набросков, в дверь постучал почтальон.

Декабрьские рассветы – дело неторопливое, не то что их летние собратья. После долгой ночи рассветы тянутся благодушно, так что Кейт наслаждалась проступающим ландшафтом, пока зимнее солнце бледным золотом неспешно ползло по полям, прогоняя последние клочки рассветного тумана; обледеневшие травинки медленно разогнулись, когда скудное солнечное тепло развеяло ночной холод.

Это было волшебное время суток, и когда была возможность, Кейт доставала альбом для рисования или фотоаппарат.

– Похоже, посылка от твоей матери, – объявил почтальон Джо.

– Скорее всего.

– Чем она там занимается?

– Ты ее знаешь, – сказала Кейт, – обуздывает испанские вихри.

– Это в ее характере, – согласился Джо, добавив: – Обломалось вчера свиданьице.

– Да, – ответила Кейт, – обломалось.

– Планы у него поменялись, наверное, как думаешь? – продолжал Джо. – Или может, ты ему не понравилась?

– Может. – Она выдернула коробку из рук почтальона чуть грубее, чем хотела.

Сделав себе кофе, Кейт вскрыла посылку. Три года назад произошел прискорбный инцидент с рождественским подарком, в котором – Кейт, разумеется, об этом не догадывалась, – лежала головка сыра Кабралес. Через две недели хранения под елкой, возле печки, запах гниения стал настолько сильным, что Кейт решила: строители замуровали в стене ее кухни труп.

Аналогичное происшествие с мясными деликатесами на следующий год научило Кейт вскрывать мамины рождественские подарки незамедлительно.

На этот раз беспокоиться было не о чем. Из съедобного в подарке были только конфеты: батончик с какао-бобами и миндальной крошкой, упаковка миндаля в шоколадной глазури и бутылочка шоколадного молока. У Кейт аж слюнки потекли при виде всего этого. Еще было две книги по саморазвитию: «Найти любовь, пока не стукнет сорок» и «Биологические часики еще тикают?»

«Спасибо, мам», – подумала Кейт. Под книгами нашлись духи «Шанель», завернутые в нижнее белье, надеть которое решила бы только порнозвезда: бюстгальтер с прозрачной тканью на месте сосков и едва заметные трусики.

Кейт написала маме сообщение:

«Спасибо за подарки. Оригинальное белье!»

– Не отчаивайся только из-за того, что кто-то тебя подвел. – Голос Лауры пробивался через треск телефонного динамика.

– Я и не отчаиваюсь. Сейчас закончу выпечку для Мэтта и начну собираться.

– Почему ты вообще печешь что-то для Мэтта, когда тебе еще нужно сделать макияж и накрасить ногти перед свиданием? – удивилась Лаура.

– Я никогда не крашу ногти. Кроме того, выпечка – это дополнительный заработок на черный день.

– У тебя есть деньги на черный день, – возразила подруга.

– Я же работаю не в штате, – объяснила Кейт. – Это вам оплатят и отпускные, и больничные. А на мой счет никто, кроме меня, денег не отправит.

– О, началось! – воскликнула Лаура, иронически напевая: – Бедная Кейт Крэчет, бедная Кейт Крэчет, нету дома ничего, один кусочек угля – и тот на все Рождество.

– Прекрати, – прервала ее Кейт. – Так как ты считаешь, на следующее Рождество “Lightning Strikes” тоже забронируют поместье?

– Я получила письмо от их маркетологов утром. Пишут, отзывы клиентов прекрасные, и если они будут продолжать проект, то и с нами тоже станут сотрудничать обязательно. Еще надо убедиться, что остальные свидания, которые они у нас проводили, тоже прошли хорошо. Две другие площадки свиданий, судя по слухам, тоже были на высоте. Этот проект вызвал настоящую бурю в соцсетях.

Кейт по голосу Лауры поняла, что она сейчас сияет от самодовольства.

– Классно. Ты молодец, – похвалила она, – леди Блексфорд, должно быть, тоже довольна.

– Так и есть. Знаешь, я бы хотела, чтобы ты все равно пришла в усадьбу. Банкетный зал выглядит просто потрясающе, даже я давно такого не видела. Что наденешь? – внезапно спросила она.

– Прямо сейчас? А почему ты спрашиваешь, извращенка?

– Да нет же, дура! – воскликнула Лаура. – Я про сегодняшнее свидание.

Кейт посыпала скалку сахарной пудрой и начала раскатывать тесто.

– Джинсы и джемпер со стразами, который мы тогда вместе покупали.

– Джинсы! – воскликнула Лаура.

– Это же совместное кулинарное свидание для парочек, а не коктейльная вечеринка, Лаура.

– Ладно, ладно. С кем ты встречаешься на этот раз?

Кейт отрезала кусок теста рифленным ножом, потом осторожно подняла его и положила в форму для выпекания.

– Его зовут Майкл. Вегетарианец. Разведен. Детей нет. Работает в художественной галерее в Сохо. – Кейт перебирала то немного, что ей было известно.

– Ну, звучит многообещающе. Как он выглядит? – поинтересовалась Лаура.

Кейт отряхнула руки и, взяв телефон, открыла приложение “Lightning Strikes”.

– Волосы светлые, щеголеватый, милая улыбка, морщинки вокруг глаз. Не знаю, как тебе удалось меня убедить, у меня чувство, что я выбираю себе парня по каталогу.

– Тебя нужно было немного раскачать. Ты ни с кем не встречалась с тех пор, как рассталась с Дэном. Когда это было? Шесть лет назад? – пыталась вспомнить Лаура.

– Пять.

– Вот-вот, – подтвердила она. – Я не обещаю, что ты встретишь своего принца сейчас, но, по крайней мере, начнешь снова ходить на свидания. Да и вообще, кто сказал, что мужчины твоей мечты нет среди участников? Может быть, это будет рождественское чудо.

После парочки ласковых аргументов и сомнительных намеков на эльфов и Санта Клауса Лаура отключилась, чтобы приготовить Мине курицу.

Кейт дружила с Лаурой с начальной школы. Потом они вместе учились в университете, вместе жили целых три года, пока Кейт не отправилась в путешествие, а Лаура не вернулась в Блексфорд, чтобы занять должность куратора в поместье и выйти замуж за Бена, с которым у нее была любовь с самого детства.

Кейт положила на начинку вырезанные из теста звездочки, вымочив их в молоке и обильно посыпав сахарной пудрой, и поставила в духовку выпекаться. Первая партия выпечки уже остывала на решетке, и весь дом наполнился запахом специй и цитрусовых. Пока новые пироги румянились в духовке, Кейт умылась и переоделась; придется идти на свидание, благоухая сладкими пирожками, но

это не самый неприятный запах.

У Кейт были каштановые волосы. Не такой интересный цвет, как, например, светло-русый или черный. Парикмахер однажды назвал этот цвет мышиным. Кейт иногда баловалась красками для волос, но была слишком невнимательна, чтобы следить за отросшими корнями. Зато она была одарена густыми вьющимися локонами, ее волосы либо вились кудрями, либо лежали волнами, и Кейт никогда не знала, как они будут выглядеть с утра. По крайней мере, с объемом у нее проблем не было, да и прическа требовалась нечасто. Кейт с удовлетворением отметила, что сегодня вечером ее волосы вились как полагается.

Она упаковала еще теплые пироги в коробку, а новую партию перенесла на решетку охлаждаться. Пока Кейт ждала, когда они остынут, то успела перелистать несколько своих эскизов, рассыпанных по кухонному столу. Она отправила в офис фото своего последнего дизайна, а когда напечатают тестовый образец ткани, его можно будет забрать. Это был изящный весенний орнамент с нарциссами и гиацинтами.

Девушка сгребла эскизы в неровную стопку, вымыла кисти и банку из-под джема, в которой они стояли, затем положила в коробку оставшиеся пирожки, поправила волосы, глядя в зеркало, и отправилась в кафе.

Заведение было названо в честь огромного грушевого дерева, растущего в саду. Это было не единственное фруктовое дерево там, но своими размерами оно затмило сливы, вишни и яблони, а кусты крыжовника на его фоне и вовсе терялись.

Кейт и Мэтт проводили летние каникулы, играясь в саду, лазая по деревьям, пока никто не видел, и строили шалаши из сломанных стульев и старых занавесок. Родители Лауры были в разводе, поэтому на каникулы она уезжала к отцу во Францию.

Родители Кейт работали в городе, но во время каникул мама была занята только три дня в неделю. И поскольку мать Мэтта работала полный день в пекарне и кафе, они решили объединить усилия по уходу за детьми. Когда мама Кейт была дома, они ходили вместе на пляж или гулять, или весь день проводили в парке Фицвильям. А остальное время Кейт, Мэтт и нередко Корина, когда ее друзья

уезжали куда-то, заседали в пекарне, захватив с собой из кафе перед магазином столько ячменного отвара и булочек, сколько им хотелось, и весь сад на заднем дворе был в их распоряжении.

Осенью груш было столько, что даже объединенными усилиями они не могли их все съесть, несмотря на то что мама Мэтта делала из груш варенье и гнала бренди, продающийся потом у них в магазине. А потому она приглашала всех жителей деревни на праздник сбора урожая. Это стало традицией, маленьким Блексфордским фестивалем. Из года в год участников становилось все больше, пока действо не стало событием, отмечаемым в деревенских календарях: после большого урожая груш устраивались посиделки с барбекю в американском стиле.

Патрик с Олд-Блексфорд-Фарм всегда делал жуткое грушевое вино по собственному рецепту. Он угощал им на рождественские праздники, подогревая с корицей, гвоздикой и ванилью: оно гарантированно согревало и слегка отшибало память. Случалось, Корина ходила за ним с подносом и оставляла дымящиеся стаканы пятнадцатилетнему брату и его друзьям, Кейт, Лауре и Бену, которые тусовались на скамейке в сквере.

Когда мама и сестра Мэтта погибли, грушевые фестивали прекратились. Кое-кто предлагал продолжить традицию как хороший способ сохранить о них память. Но Мэтт не мог с этим смириться; для продолжения было слишком рано, слишком больно, и потому никто не собирался спорить с сиротой, и уж тем более с Эвелин.

Гариссоны складывали излишки урожая в корзины и оставляли у входа в магазин, чтобы люди могли их забрать. Но арендаторы, что были после них, себя этим уже не утруждали, а когда кафе и магазин заколотили, груши гнили в саду там, куда упали.

Кейт предлагала Мэтту подумать над тем, чтобы пригласить людей осенью собрать груши в саду. Пусть это будет не фестиваль, просто встреча. Но он до сих пор не соглашался.

Однако все же поддался настойчивости Кейт и с прошлого года занялся садом. С помощью ее отца, культиватора, взятого у Патрика, и рабочей силы в лице Барри, хозяина «Герцогского шлема», удалось вернуть саду его былую славу.

Они положили новый газон, обработали плодовые деревья, а Эвелин помогла им с посадками и подстрижкой цветников. В дальнем конце сада отец Кейт установил ящики с землей, сколоченные из старых досок, сложенных в угольном погребе после того, как их оторвали от забитых окон. В ящики Мэтт посадил овощи, зелень и ягоды.

Кухня раньше занимала всю заднюю половину здания, но после ремонта Мэтт уменьшил ее, отгородив коридор, ведущий из кафе в сад. В ближней части сада он установил прочные деревянные скамейки с высокими спинками и столами для клиентов. Впервые территория служила для чего-то, кроме их детских игр. Получилось красивое заведение, популярное круглый год, при этом вместимость его увеличилась вдвое. У Мэтта был просто дар к ресторанному бизнесу, его маркетинговые навыки и идеи с проведением мероприятий стали ключом к успеху. Он привнес модную атмосферу большого городского кафе в маленькое предместье, и это было именно то, чего не хватало в сельской местности.

Когда Кейт подошла к кафе, оно уже почти закрывалось. Музыка затихла, часть стульев была уже перевернута на столы, освобождая пространство для уборки. В углу на мягких креслах, развалясь, заседали еще самые стойкие клиенты; вечно задерживающиеся, смакующие последние глоточки кофе, дочитывающие газеты, пока Мэтт еще не потушил огни. Завсегдатаи кивнули Кейт поверх очков.

Из кухни еще доносилась музыка, пахло жарким, приготовленным в красном вине. Карла с матерью снова готовили шедевр. В животе у Кейт заурчало, и она мысленно отметила, что нужно заглянуть в магазин к Эвелин и взять что-нибудь из того, что оставалось из их произведений.

Петулия махнула ей с дальнего конца кафе. На ней была зеленая бархатная юбка с цветочным рисунком по нижней кромке и темно-синий свитер с круглым вырезом. Ей было за шестьдесят, хотя больше пятидесяти ей никто бы не дал. Эта дама постоянно волновала умы мужчин Блексфорда, но ни одному из них так и не удалось завоевать ее. По правде говоря, Петулия и не хотела быть завоеванной. Двадцать лет назад она покончила со своим неудачным браком и до сих пор радовалась тому, что сама контролирует свою жизнь и свое счастье. Петулия как-то сказала Кейт, что в мире нет настолько странного человека, кто бы согласился мириться с теми правилами жизни, которые она для себя установила. Кейт же втайне надеялась, что такой человек есть, и однажды он встретит Петулию. При всем своем прагматизме в ее душе оставалось немного

романтики.

Три стола были накрыты клеенчатыми скатертями в горошек, на которых были расстелены куски бумаги, разложены ремесленные ножи и кусочки сверкающего детрита, оставшиеся после мастер-класса Петулии по изготовлению самодельных открыток. Ее домик был слишком тесный, чтобы проводить в нем мастер-классы, и Мэтт позволил ей устраивать их в кафе. Это было выгодно обоим: Петулия получала пространство, в котором нуждалась, а Мэтт зарабатывал на кофе и пирожных, которые заказывали ее ученики.

До самого Рождества ее класс будет изготавливать открытки, карточки и лейблы. Петулия была одной из основательниц блексфордского клуба «Секси-кошечки и клубочки»; ее специальностью были рождественские джемперы с оленями, а Кейт была ее музой, и эту роль она, будучи фанаткой рождественских джемперов, с удовольствием исполняла. Петулия была многопрофильным специалистом: она вышивала, вязала крючком и делала поздравительные открытки, еще когда это не вошло в моду. К тому же она подрабатывала неполный рабочий день в «Грушевом дереве».

– Привет, милая, – воскликнула Петулия, – надеялась тебя застать! Мне нужно, чтобы ты помогла мне с рождественскими открытками. Твой опыт в дизайне мне бы очень пригодился.

– Я с удовольствием, – ответила Кейт. – Когда ты хочешь?

– В воскресенье, тринадцатого, во второй половине дня. Я буду делать рождественские открытки и карточки для сервировки столов из сухих листьев.

– Отлично! Запиши меня, – согласилась Кейт.

– Супер! Да, еще, Кейт, я слышала, что у тебя не задалось твое первое свидание. Не позволяй этой неудаче тебя остановить. Вперед и вверх!

Петулия улыбнулась и снова занялась сбором принадлежностей для открыток. Кейт поморщилась. Вот она, одна из прелестей жизни в деревне. Все всё про всех знают: кто, с кем, когда и как. И каждый не стесняется высказать свое мнение на этот счет. От людей в деревне не спрячешься, в отличие от столичного города.

Мэтт вышел из кухни, улыбнулся, заметив Кейт, затем увидел коробки с пирогами, и его улыбка стала еще шире.

– Привет, Кейт. Это мне или ты просто проголодалась? – пошутил он.

Кейт отвернулась.

– Вообще-то да, проголодалась. Но я это исправлю, приготовив что-нибудь во время своего горячего свидания, – ответила она.

– Еще свидание? У тебя ж только вчера одно было! – изумился Мэтт.

– Технически оно не состоялось, как ты помнишь. Так получилось, что следующее свидание выпало на сегодня – думаю, им пришлось уплотнить график, чтобы поспеть к Рождеству.

– К празднику ты совсем выдохнешься. Не хватит сил развязать чулок с подарками, – усмехнулся он.

– К рождественскому утру, может, уже найдется тот, кто сделает это за меня, – ответила Кейт.

Мэтт скривился.

– Значит, вы будете вместе готовить?

– Именно.

– Он в курсе, что ты диктатор на кухне? – уточнил Мэтт.

– Я не диктатор, а стратег. И то только потому, что ты безынициативен.

– Я просто предпочитаю расслабляться.

– Филонить, – поправила Кейт.

– Боже! – воскликнула Петулия с другого конца зала. – Вы просто не можете нормально разговаривать.

Кто-то из несгибаемых клиентов хмыкнул, укрывшись своей газетой.

Мэтт и Кейт одновременно обвинили друг друга в начале склоки. Затем Мэтт, сияя, снял большую тарелку с нарисованными на ободке елками с сушилки, а Кейт помогла ему переложить пироги. Затем они накрыли тарелки колпаками и оставили до следующего дня. Пока работали, Мэтт припевал: «Второе свиданье перед Рождеством преподносит сюрпризы половым путе-е-е-ем».

Кейт шлепнула его рукой.

– Готова поспорить, ты весь день об этом думал.

Мэтт усмехнулся.

– Не весь.

– Поражаюсь тому, что ты считаешь, что у меня будет двенадцать любовников до Рождества, – сказала Кейт.

– Тебе не обязательно спать со всеми двенадцатью!

– Я и не обязана спать ни с одним из них. Но мне бы хотелось.

– Кейт, – произнес Мэтт серьезным тоном, – некоторые парни из тех, что подписываются на такие мероприятия, весьма посредственны.

– Мэтт, я большая девочка. Меня уже отпускают погулять во дворе одну. Не обязательно регистрироваться на сайтах, чтобы встретить посредственных мужчин.

– Все равно не понимаю, зачем тебе было так необходимо обращаться в этот клуб знакомств, – раздраженно прокомментировал Мэтт.

– Мне это было не нужно. Лаура считала, что мне это нужно. – Кейт нахмурилась, обдумывая смысл сказанного. – И вообще, приятно встретиться с новыми людьми. Мне бы хотелось... знаешь ли... наконец остепениться.

– Я не хочу говорить ничего плохого про твой характер, Кейт, но тебе никогда не было достаточно того, кто с тобой рядом, – заметил Мэтт.

– Я не могу прицепить мужчину к своей юбке.

– Ты хочешь сказать, что никто из них не дотягивал до нужного уровня.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть немного привередливой, – заявила Кейт.

– А как насчет этого Джеймса? – спросил Мэтт. – Мне он даже нравился.

– Но, Мэтт, дело ведь не в том, нравился он тебе или нет, правда?

– Или Гарри, – вспомнил Мэтт, – Гарри был замечателен.

– Может, тогда тебе следовало с ним встречаться, не знаю. – Кейт вздохнула, достала помаду клубничного цвета и стала краситься, глядя в зеркало над камином. – После Дэна я не встретила никого, кто бы...

– Перевернул твой мир? – закончил за нее Мэтт.

– Именно.

– Ты всегда говорила, что мужчина тебе не нужен, – напомнил ей Мэтт.

– Я так не говорила. Я просто думаю, что хорошо было бы встретить кого-то, с кем я могла бы разделить свою жизнь. У Лауры есть Бен. У тебя Сара...

– Ну, мы всего пару месяцев вместе, – быстро пробормотал Мэтт. – Мы еще не готовы к браку.

– Тем не менее есть кто-то, с кем можно целоваться под омелой, – задумчиво сказала Кейт.

– Если тебе большего для счастья не требуется, я подговорю парочку посетителей чмокнуть тебя под деревом.

Завсегдатай в кресле с надеждой во взгляде оторвался от своей газеты и подал жест, что готов выступить в качестве добровольца. Жена сердито ткнула его в бок, и он вернулся к изучению колонок свежей прессы.

– Это моя точка зрения, – сказала Кейт. – Я устала от смены мужчин. На моем пути было достаточно спринтеров, мне нужен кто-то, с кем возможно пробежать далекую дистанцию.

– Марафонец?

– Образно выражаясь, да.

– Популярная тема в «Твиттере», – заметил Мэтт.

– Какая? Мой поиск мужчин? – удивилась Кейт.

– О нет, извини. Твоя личная жизнь, к сожалению, не так интересна, чтобы делиться ею в «Твиттере».

– Не то слово, – согласилась Кейт.

– Но я буду следить, вдруг кто упомянет о сумасшедшей дизайнерше по ткани. В клубах знакомств ты можешь стать печально знаменита.

– Хм, спасибо.

– Я говорил про эти двенадцать свиданий, – пояснил Мэтт. – В соцсетях очень популярный проект.

– Лаура будет рада.

Мэтт перегнулся через стойку.

– Покажи, с кем сегодня встречаешься? – попросил он.

Кейт показала ему фото на телефоне. Мэтт нахмурился.

– Маменькин сынок из частной школы, – сухо объявил он. – Не думаю, что он произведет на тебя впечатление.

Кейт раздраженно вздохнула.

– Так и знала, что так скажешь. Посмотрел на его прическу и уже делаешь выводы. Кстати, он работает в художественной галерее, – сказала она.

– Так он учился в частной школе?

Кейт полистала анкету Майкла. Частная школа. Черт.

– Да, – признала она.

– Сразу видно, – хмыкнул Мэтт.

Свидание проходило в кулинарной школе, находившейся на ферме в переоборудованном флигеле. Там же имелись гастроном и магазинчик. Кейт вспомнила, что читала об этой школе в “Good Housekeeping” летом, они предлагали курс классической французской кухни. Кейт никогда бы не призналась Лауре, но участие этой организации повлияло на ее решение зарегистрироваться в проекте; школа такого уровня должна быть очень требовательна к своим партнерам.

Парковка почти заполнилась, с заднего входа на территорию медленно заезжали машины. Кейт нервничала; первое свидание вообще провалилось, вдруг ее партнер взглянет на нее и сбежит и в этот раз? Кейт припарковала свой «Мини» между серой «Маздой» и «Хондой Цивик». Несколько секунд она сидела за рулем, не глуша двигатель, решая, стоит ли продолжать все это. Мимо проходили мужчины и женщины с лицами, на которых читались застенчивость, страх или уверенность. Кейт глубоко вздохнула, заглушила двигатель и вылезла

из машины, с хрустом шагая по гравийной дорожке с другими участниками через каменную арку, увитую плющом и гирляндами.

Все было занятнее, чем она думала. Кейт достала телефон, открыла приложение со своим QR-кодом на сегодняшнее свидание. Слегка поевживаясь, она встала в очередь, в начале которой два представителя компании проверяли посетителей. Женщина лет двадцати с хвостиком цвета индиго и мелодичным голосом отсканировала код с экрана ее телефона.

– Здравствуйте. Ваше рабочее место номер пять. Всего хорошего.

– Спасибо. Может быть, вы в курсе, а мой партнер уже прибыл? – спросила Кейт.

Женщина покачала головой.

– Извините, я не знаю. Но если вы будете у своей скамейки, я уверена, он вас найдет, – заверила она.

Кейт улыбнулась и проследовала за лысеющим мужчиной в твидовом пиджаке в главный кулинарный зал, слыша, как позади нее девушка приветствует следующего гостя тем же певучим голосом. Когда ее подвели к нужному месту, она внезапно почувствовала себя крошечной шестеренкой в гигантском механизме “Lightning Strikes”. Это просто нервы, – успокаивала она себя. – Такими и должны быть современные чувства и отношения. Раньше все ходили на танцы, надеясь поймать взгляд парня, а теперь парня ловит приложение на телефоне, а потом заставляет вас вместе готовить». Она прошла мимо стенда со значками «Твиттера», «Инстаграма» и «Фейсбука». «Не забудьте поделиться!» – было подписано ниже.

Стены были сплошь увиты плющом и остролистом. В углу зала высилась двенадцатифутовая рождественская елка, а ангел на ее вершине почти терялся под потолком. По залу были расставлены рабочие столы, рядом с каждым стояла плита с духовкой. Вдоль стен тянулись столы с блендерами, миксерами и сотнями крючков для посуды. В дальней части комнаты парили две гигантские кастрюли, заполняя зал ароматом глинтвейна с корицей. Розовощекая женщина разливала горячее вино по стеклянным стаканам, а несколько рассеянный мужчина проделывал то же самое рядом с кастрюлей с пометкой «безалкогольный». Кейт взяла у него стакан и заняла свое место у стола с

номером 5. Она искренне надеялась, что уж сегодня ее свидание состоится.

Скамейки были обращены к окну во всю стену, за которым открывался вид на обнесенный оградой сад, освещенный фонарями. Когда гул голосов романтически настроенных кулинаров достиг своего пика, молодые парни в белых поварских фартуках стали разносить в плетеных корзинах овощи, мясо и рыбу. Появилась румяная полная женщина, от которой веяло авторитетом, и в зале стало тихо.

Кейт почувствовала, как кто-то коснулся ее руки. Обернувшись, она увидела перед собой своего симпатичного партнера по свиданию. Он улыбался ей, и Кейт улыбнулась в ответ, кажется, чересчур радостно.

– Я Майкл, – тихо произнес он, пока шеф-повар громогласно оглашала свои инструкции. – А ты, должно быть, Кейт.

Он протянул руку, и Кейт пожала ее, все еще продолжая улыбаться. «Это уже что-то, – подумала она, – из этого может что-нибудь получиться». От волнения у нее засосало под ложечкой.

По понятным причинам – он был вегетарианцем – Кейт и Майкл готовили овощное блюдо. Кейт и Майкл, Майкл и Кейт – она мысленно прислушивалась, как звучат их имена вместе, и в целом их звучание ей нравилось. «О, привет! Это Майкл, мы влюбились друг в друга, когда готовили овощной таджин!» Это смотрелось очень по-детски, и Кейт было совестно перед собой, но трудно было сдержаться, когда твой мальчик – звезда всей школы.

Майкл оказался очень полезен на кухне: действуя вместе, болтая и смеясь, они хорошо друг друга дополняли, следуя бесчисленным рекомендациям шеф-повара. Они готовили тайское овощное карри, причем пасту делали сами из теста, с рисом, склеенным кокосовым молоком.

– Вообще-то, – сказала Кейт, помешивая бледно-розовый соус, булькающий в глиняном горшочке, – ты не похож на человека, которому нужно записываться на подобные мероприятия, чтобы встретиться с кем-нибудь. – Она обвела рукой зал.

Майкл осторожно высыпал горсть мелко нарезанных кукурузных проростков и зеленых бобов в жидкий острый соус и улыбнулся.

– То же самое могу сказать о тебе.

– У меня все по-другому. Я живу в маленьком городке, у нас тут молодые привлекательные мужчины на дороге не валяются. А ты работаешь в городе, в художественной галерее.

– В большом бассейне пловцы не обязательно лучше, чем в маленьком, – произнес Майкл.

Он взглянул на Кейт и улыбнулся так дерзко, что щеки Кейт, и без того пылающие от жара кастрюль, покраснели еще больше.

Приготовив свое блюдо, пары закрывали его крышкой и отправлялись в помещение, переделанное под гостиную. Здесь было прохладнее, чему Кейт была очень рада. Вдоль всей длины зала тянулись два деревянных стола, с лавками по обе стороны. Вспышки телефонных камер работали непрерывно, пополняя, как предполагала Кейт, обязательными фотографиями ужинов «Инстаграмы» своих владельцев.

Кейт и Майкл – ей все больше нравилось звучание их имен – сели друг напротив друга и приступили к ужину. По мере того как они лучше узнавали друг друга, их разговор переходил ко все более серьезным темам.

Их семьи были совершенно разными по социальному положению, не совпадали и политические взгляды. Майкл не скрывал, что у него были «проблемы с отцом» из-за постоянного контроля с его стороны, а Кейт доверила ему историю о похождениях своей матери с агентом по недвижимости даже раньше.

– Я хочу сказать, никому не хочется признавать, что твоя мать – легкомысленная особа. Но, к сожалению, моя мама такая и есть, – подытожила она.

Майкл рассмеялся.

– Я правда думаю, что мама была бы намного счастливее, если бы у нее был свой бизнес. Это лучше, чем страдать в бедности.

– Почему люди живут вместе, если они несчастны? – спросила Кейт. – В этом же никакого смысла.

– Чтобы сохранять общественный статус? – предположил Майкл.

– В сороковых, может быть, так и было. Но не сейчас.

– В некоторых кругах развод до сих пор воспринимается как скандал, – произнес Майкл настолько серьезно, что у Кейт мелькнула мысль поискать, что пишут о его семье в глянцевого журналы про светскую жизнь.

– Главный вопрос кроется в том, – сказала она, разливая им воду из графина, – служат ли недостатки наших родителей причиной того, что в двадцать лет мы все еще одиноки? – Она улыбнулась. Ей показалось довольно забавным это предположение.

Но Майкл оставался серьезным. Он взглянул на свою тарелку и осторожно положил на нее свои приборы. Прядь светлых волос упала ему на глаза, но Кейт успела заметить, как он закусил губу, сдерживая слезы. Девушка растерялась. В процессе разговора она забыла о шуме вокруг, и теперь он внезапно прорвал ватное одеяло их общения, заполнив пространство смехом, возгласами и рассказами о своих и чужих прошлых свиданиях, исходящими от других столиков, и неловкое молчание между ней и Майклом на этом фоне проступило еще явственнее.

Не желая показаться грубой, Кейт неохотно положила свою вилку, хотя ее тарелка еще была полна, а карри получился восхитительным.

– Прости, – сказала она, – я не хотела тебя расстроить. Просто пыталась пошутить.

Майкл шмыгнул носом, и Кейт протянула ему салфетку. Он вытер глаза.

– Это не твоя вина, – ответил он, – просто... – Новый всхлип. – Именно поэтому я не женат. Я встречался с Маргарет сначала назло отцу. Она была воплощением всего того, что он не одобрял. Но потом я влюбился. По-настоящему. А потом однажды, когда мы ужинали вместе, я неосторожно рассказал ей, почему первый раз пригласил ее на свидание. И... и...

Майклу требовалось время, чтобы продолжить.

– Она ушла от меня, – закончил он шепотом.

Он смотрел мимо Кейт, словно ее взгляд заставлял его терять самообладание. Ресницы его блестели в свете гирлянд. Крупная слеза вновь покатилась по щеке, смывая на своем пути все воздушные замки, которыми Кейт тешила себя в начале второго свидания.

Пара рядом с ними обратила внимание на их неловкое молчание и таращилась в упор. Еще одна пара, сидевшая несколько дальше, также заметила растерянность Кейт, но им хватило такта попытаться скрыть свое любопытство. Каким-то образом их молчание привлекало больше внимания, чем взрывы фальшивого смеха, раздававшегося в зале. Майкл высморкался сначала в свою салфетку, а затем в салфетку Кейт. Женщина напротив сочувственно передала ей новую пачку. Кейт с улыбкой поблагодарила ее. Достав одну из пачки, она передала ее Майклу. Она видела, как дрожат его руки, и удивилась глубине страдания. «Как давно он сражается со своим отчаянием? И почему именно мне довелось прорвать эту плотину?»

– С-спасибо, – пробормотал Майкл, – извини.

– Что ты. Не за что извиняться, – успокаивала его Кейт.

Люди вокруг стали незаметно отсаживаться подальше, образуя вокруг них ощутимый вакуум. Кейт надеялась, что они не подумали, будто именно она является причиной его рыданий; такая репутация на будущих свиданиях не сулила ничего хорошего. Мысленно она взвешивала, прилично ли съесть немного риса, пока он успокаивается, и пришла к выводу, что, наверное, прилично. Это блюдо ей дорого обошлось, она сама готовила его, но почти не съела. В животе заурчало. Она осторожно потянулась к своей ложке. «Всего одну ложечку, – решила она, но из горла Майкла вырвались сдавленные

рыдания, и она опустила руку. – Так близко и так далеко». Вскоре обеденные тарелки сменились десертными блюдами, и запах сладкого ликера, которым был полит липкий рождественский пудинг, маняще щекотал ей ноздри. Да что ж это за пытка? Они молчали уже десять минут. Губы Майкла мерно вздрагивали, и очередная слеза упала на чайную ложку.

«Ну, ладно, – подумала Кейт, – сочувствие – это прекрасно, но оно ни к чему не ведет. И уж, конечно, не приближает меня к пудингу. Пришло время действовать».

Кейт протянула руку, коснувшись ладони Майкла так, чтобы не волновать его. Молодой человек взглянул на нее и всхлипнул.

– Может, еще не поздно? Возможно, есть способ помириться, – предположила она.

– Как? – воскликнул Майкл надтреснутым высоким голосом и прочистил горло. – Объясни мне, как?

Его плечи начали дрожать, он опустил голову на руки, и сдавленные рыдания сотрясли его, передавая через стол вибрации, от которых по поверхности напитков в бокалах окружающих расходились круги.

Люди начали осторожно отсаживаться с их стола; пожимая плечами и ставя свои пудинги обратно, они бросали на Кейт вперемешку сочувствующие и подозрительные взгляды. Майкл, казалось, не ощущал неловкое положение, которое создавал своими рыданиями.

Официантка пыталась забрать нетронутое блюдо с пудингом, но Кейт придерживала его пальцами. Девушка дернула сильнее, но Кейт крепче сжала край тарелки. Официантка колебалась, словно обдумывала, стоит ли бороться с клиентом за рождественский пудинг. Решив, что не стоит, она насмешливо фыркнула в сторону Кейт, забирая тарелку Майкла. Тот даже не заметил этого. Пока его голова все еще лежала на руках, Кейт быстро и бесшумно закинула в рот ложку пудинга, почти не жуя, поскольку не знала, сколько у нее есть времени.

В конце концов он перестал плакать, но всхлипы и внезапная икота сотрясали его, как подземные толчки. Команда “Lightning Strikes” расчищала столы вокруг них. Глаза Майкла покраснели и налились кровью. Он использовал уже целый ворох салфеток.

Кейт не хотела снова растравлять его раны, но в равной мере было бы оскорбительно и неискренне просто проигнорировать его излияния, сменив тему. И кроме того, она решила, что можно попытаться извлечь хоть что-то позитивное из оставшегося вечера, даже если для этого нужно посоветовать ему встретиться с бывшей после расставания.

– А ты пытался звонить ей, чтобы извиниться? – спросила она.

– А смысл? – Губы Майкла дрогнули.

– Но ты пытался?

– Она сказала, что больше никогда не хочет меня видеть, – всхлипнул Майкл.

– То есть ты этого не сделал, – решила Кейт.

– Я не собираюсь клянчить! – раздраженно бросил Майкл.

«О, привет, гордость. Как обычно, ты стоишь на пути самых обычных извинений».

– Никто и не говорит о том, чтобы клянчить. Но извиниться определенно стоит, – возразила Кейт.

Майкл ошарашенно посмотрел на нее. Кейт догадалась, что обычно люди не говорят ему в лицо то, что он не хочет слышать.

– Я имею в виду, что ты можешь продолжать пытаться завоевать ее упорным молчанием, – продолжала она, подогреваемая жадой пудинга. – Но с того места, где я сижу, видно, что этот метод не работает.

– А что, если она бросит трубку?

– Попробуй еще раз. А если не будет брать трубку, напиши письмо, – ответила Кейт.

– Письмо? – недоверчиво переспросил Майкл.

– Ну, электронное письмо. Хотя бумажное было бы душевнее.

– И что мне сказать? – произнес он растерянно.

Кейт удивлялась про себя, как ему вообще удавалось существовать во внешнем мире. Ей нужно объяснить ему, как надо извиняться? Похоже, что да.

Свидание в кулинарной школе было официально закончено – хотя для Кейт оно закончилось раньше, чем для других, – и шум в баре медленно угасал, пока не затихла даже посудомоечная машина и не прекратился звон стекла, вернувшегося на свои полки. Сотрудники заведения проводили уборку вокруг них с восхитительной деликатностью, но в конце концов стало очевидно, что они готовы закрыться и пойти домой.

Кейт куталась поплотнее, пока они с Майклом сидели друг напротив друга на шершавой скамье возле школы. Ее задница совсем онемела от холода. Автостоянка была пуста, за исключением двух их машин, на противоположных концах парковки, максимально далеко друг от друга, как и судьбы их хозяев.

Майкл нервничал. Ей это было понятно. Пока бездействовал, он мог тешить себя огоньком надежды. Но если он сделает шаг навстречу и получит отпор, тогда все будет кончено бесповоротно.

– Ты действительно считаешь, что я должен позвонить? – переспросил Майкл.

– Ты ничего не теряешь, – ответила Кейт, пока он прокручивал список контактов. Его палец завис над именем Маргарет.

– Давай.

Своим пальцем она прижала его палец к надписи «Звонок» на экране; по темному фону побежали зеленые волны. Маргарет взяла трубку после второго гудка, и Майкл, вцепившись в руку Кейт, сыпал извинениями снова и снова, формулируя их сотней способов подряд.

Ответ трудно было расслышать за ее рыданиями, но слова «Я люблю тебя» вырвались из динамика телефона и растворились в черном декабрьском небе.

Кейт с Майклом не пошли домой ни сегодня, ни в какой-то из будущих вечеров, но она чувствовала себя странно счастливой, когда махала ему на прощание. «Должно быть, так чувствуют себя ангелы-хранители», – думала она.

Когда она садилась в машину, пришло сообщение от мамы.

«Пожалуйста, дорогая! Я подумала, они пригодятся тебе для двенадцати свиданий. Я видела твое прежнее нижнее белье, ты можешь в те трусики яблоки с дерева стряхивать. А тебе на них нужно поймать себе мужчину, моя милая. Все, люблю, целую».

– Я постараюсь, мама, – произнесла Кейт вслух, – постараюсь.

Когда Кейт добралась до Блексфорда, дороги блестели, покрытые тонкой корочкой льда. Было уже поздно. Доехав до сквера, она увидела, как Мэтт и Сара выходят из «Герцогского шлема», обнявшись. Свет в баре уже погас, и на них падали свет луны и блики от снежных сугробов.

Кейт остановилась возле изгороди и заглушила двигатель. Мэтт узнал бы ее машину, проедь она мимо, пришлось бы останавливаться и болтать, он спросил бы, как прошло ее свидание, и хотя она знала, что завтра ей самой будет смешно вспоминать, сегодня у нее почему-то не было настроения рассказывать о нем.

Кейт смотрела, что они зигзагами бредут вперед, как все парочки после нескольких бокалов вина. С неба падали снежинки, словно бы только для них двоих, и они вытягивали ладони в перчатках, чтобы поймать их. Сара положила голову на плечо Мэтта, и он поцеловал ее в макушку, а в груди Кейт защемило от тоски по такой красивой любви, как у этих двоих.

4 декабря. Третье рождественское свидание

Следующие несколько дней Кейт провела, с головой погрузившись в работу, и была счастлива этому, потому что ее сознание не отвлекалось на сердечные дела; в свои тридцать, будучи одинокой, она занимается тем, что сводит каждого встречного человека с их половинками.

На следующее утро после свидания с Майклом Кейт села на утренний поезд до Лондона с большой папкой и вечерней сумкой. После рабочего дня в их офисе должен был состояться рождественский корпоратив, а потом она собиралась нагрянуть домой к своей подруге Джози.

Протиснувшись между тесными рядами столов «Либерти», Кейт обнаружила на своем рабочем месте посылку в коричневой бумаге. Разорвав упаковку, она достала свои первые весенние образцы тканей.

Это была тяжелая жаккардовая ткань. Нарциссы и гиацинты придавали ей рельефную структуру, дающую ткани ощутимую прочность и роскошный вид. Яично-желтые и ярко-синие цветы, перемежающиеся хризолитово-зелеными листьями, казалось, пели о весне, пока за окнами их офиса все кричало о зимних холодах.

Поиск паттернов, печатаемых на ткани, из которой незнакомые ей единомышленники будут создавать одежду или обивку мебели, не переставал вдохновлять Кейт, словно она участвовала в бесконечной истории. В каком-то смысле она чувствовала, что ее работа даже слишком хороша, чтобы быть настоящей, будто в любой момент ее коллеги поймут, что она самозванка, и выведут на чистую воду. Что особенного она, собственно, делала? Рисовала цветы, рисовала узоры. Это природа придумывала продукт, а она своими кистями и карандашами только штамповала бесстыдный плагиат.

– Идешь сегодня на вечеринку, Кейт? – спросила Мел, нарушая ее задумчивость.

Мел гениально обращалась с рисунком; рисунки Кейт были кропотливыми и утонченными, Мел же рисовала смело и плавно, словно танцевала по ткани.

– Пойду.

– Там будет Пит! – Мел подмигнула и расплылась в улыбке.

Кейт хлопнула себя по лбу.

– Совсем забыла о нем.

На прошлом рождественском корпоративе Кейт целовалась с Питом под омелой. Ничего из этого не вышло. Это была одна из тех историй, что случаются на корпоративах, но Кейт было неприятно вспоминать это.

– И он все еще не женат! – проворковала Мел.

Мел была не единственной, кто напомнил ей о Пите в тот день. В итоге во время праздника Кейт, скрываясь от Пита, оказалась на грязной задней лестнице караоке-бара, где позвонила Лауре и рассказала ей, как прошло предыдущее свидание.

– Значит, он прорыдал весь ужин? – кричала Лаура, захлебываясь от смеха.

– С начала и до конца.

– Проклятье. А ведь я возлагала на него надежды.

– Он замечательный, – призналась Кейт, – но его сердце безвозвратно принадлежит другой.

– Ну хоть ужин-то был хорош? – спросила Лаура.

– Не знаю. Я не могла набивать себе желудок, пока он находился в таком состоянии; это было бы неуважительно. Я вернулась домой совершенно голодной. Съела полкуски сыра с тостами в кровати.

– Романтично, – вздохнула Лаура, – человек не скрывает своих эмоций. Вот Бен плачет только на футболе. Да, и еще когда Арни умирает в «Терминаторе-2».

– Не думаю, что хоть кто-то плакал так, потеряв меня.

– Откуда ты знаешь? Может, твой жизненный путь усеян рыдающими мужчинами, – заметила Лаура.

Кейт поежилась. Сквозняк на лестничной клетке превратился в ледяной бриз.

– Мне пора, – сказала она, – а то совсем окоченела.

– Скажи Питу, чтобы согрел тебя.

– Это не должно повториться, – отчеканила Кейт.

– Могла бы с ним повеселиться, чтобы скоротать время.

– Лаура! – воскликнула она.

– А что? Спой пару хитов Бонни Тайлер, поиграй в настольный хоккей с Питом, и домой, баиньки, – объяснила Лаура.

Кейт вышла из караоке-бара после впечатляющего исполнения “Proud Mary”, сумев уклониться от поцелуев с Питом, хотя он оказывался под омелой каждый раз, когда она на него натыкалась.

Такси остановилось у дома Джози, и даже снизу Кейт видела мерцающий желтоватый отблеск свечей в ее окнах.

Джози была первой настоящей подругой Кейт в Лондоне, после того как та вернулась из своего путешествия. Кейт нашла работу в маленькой забегаловке в Кэмдене, заработной платы ей едва хватало на арендную плату за узкую койку этажом выше. Она зарабатывала на жизнь, заваривая чай и готовя жаркое, а вечера проводила наверху, работая над линогравюрами. А еще покупала пачки дешевых тканевых сумок и печатала на них свои рисунки.

Она знакомилась с постоянными посетителями кафе, в котором работала, а у Джози, бывавшей там часто, была своя палатка на рынке, где она продавала индийские шарфы с принтами, разноцветные юбки, вельветовые куртки и где постоянно пахло аромапалочками.

Джози предложила попробовать продать несколько сумок Кейт на рынке. Сумки хорошо продавались, и вскоре при поддержке Джози Кейт начала рисовать по ткани; вдохновленная своим путешествием, она использовала узоры и краски, разрисовывая шелковые шарфы и тканевые открытки, которые продавались вместе с сумками.

Как часто бывает в жизни, случай сыграл свою роль в ее судьбе в виде покупателя из «Либерти», бредущего в обеденный перерыв через Кэмден-Маркет в поисках буррито. На пути его оказался прилавок Джози, а на нем – так поразившие его творения Кейт. Это было начало ее карьеры, долгих и взаимных отношений с компанией «Либерти».

Сладкий запах благовоний пронесся по гостиной, а затем окатил Кейт, словно морской туман, когда Джози, одетая в цветастый кафтан, приветствовала ее у своей двери.

– Счастливого зимнего солнцестояния! – воскликнула она. – Ты как раз вовремя, чтобы помочь мне с елкой.

Она завела Кейт в свою маленькую квартиру, вручила кружку натурального глинтвейна, и они принялись за работу.

Рождественская елка Джози была сделана из длинных веток, горизонтально прикрепленных к гибкому тонкому стволу, растущему из большого глиняного горшка. На полу стояла плетеная корзина, заполненная квадратиками ткани, которые они вместе старательно привязывали к дереву, пока ветки не заплясали разноцветными клочками, словно рой бабочек.

– Может, ты просто не готова связать жизнь с одним мужчиной, – сказала Джози. – У тебя свободная натура. Прими это!

– Я уже приняла. А теперь хочу принять длительные отношения.

– Вернись в Лондон. Я познакомлю тебя с новыми обитателями Кэмдена. Могу поспорить, что устрою твою личную жизнь в одно мгновение, – предложила подруга.

– Кое-кто недавно сказал мне, что в большом бассейне пловцы не обязательно лучше, – вспомнила Кейт.

– Это не он потом рыдал на протяжении всего твоего свидания, пока ты не отправила его к бывшей? – уточнила Джози.

– Не в этом дело.

– Возвращайся в Лондон. Тут столько всего происходит!

– Тебе надо приехать в Блексфорд. Ты удивишься, но там событий не меньше, – возразила Кейт.

– О боже, – воскликнула Джози, затягивая свою старую песню, – случилось то, чего я всегда боялась! Ты снова стала деревенской мышкой.

Кейт делила свободную комнату в доме Джози с припасами для рождественской лихорадки: коробками душистых свечей, радужных вязаных шарфов, шляпами, украшенными резными деревянными слонами, жилетками из вельвета. Там же стояла маленькая кровать, где Кейт провела ночь, укрывшись одеялом с индийским орнаментом.

Джози, полная оптимизма, покинула жилье чуть позже пяти утра. Ей нравилось открывать свой прилавок рано утром, чтобы ловить отдельных рождественских покупателей, приехавших в такую рань. Кейт ушла вскоре после нее, ее одежда и волосы пропитались запахом аромапалочек, а голова слегка гудела от чрезмерного количества домашнего сидра.

Она вынуждена была признать, что в утренней суете большого города была какая-то магия, складывающаяся из рева машин и автобусов и воздуха, наэлектризованного деловой энергией жителей. Но как только поезд покинул Лондон и пейзаж за окном вновь заполнился шумящими лесами и полями коричневых и темно-зеленых оттенков, Кейт осознала, что Джози права: она

больше не городская мышка.

Окна в Блексфорде еще были задернуты шторами, когда Кейт, разгоряченная подъемом на холм, вышла на улицы пригорода. Заметив, что Мэтт готовит кафе к открытию, Кейт прижалась лбом к холодному стеклу и, недовольно морщась, стучалась в окно, пока он не впустил ее.

– Ты что, подожгла парфюмерную фабрику? – спросил Мэтт.

– Я ночевала у Джози, – ответила Кейт, зевая.

Кофемашина зажужжала, выходя на рабочий режим, и Кейт заняла свое место у стойки.

– Есть новости от плачущего вегана? – поинтересовался Мэтт, добавляя вспененные сливки в капучино для нее.

Кейт прищурилась. Видимо, Лаура ему проболталась. Она решила, что в следующий раз, когда они вместе пойдут пить кофе, это будет стоить Лауре пирожное.

– Пока нет. Но я уверена, они пригласят меня на свою свадьбу.

– Только ты способна пойти на свидание и в итоге помирить парня с его бывшей! – воскликнул он.

– Заткнись и дай мне кофе.

Мэтт передал ей чашку.

– Так или иначе, сегодня попытка номер три? Знаешь, говорят, бог троицу любит! – произнес он.

– Будем надеяться, – ответила Кейт. – Иначе попрошу у них неустойку.

– Не стоило настраиваться, что каждый окажется мистером Идеалом.

– Мне вполне подошли бы мистер Пришел-Вовремя и мистер Не-Рыдай, – ответила Кейт.

– Это вопрос времени. Ты умна, талантлива...

– Я в поддержке не нуждаюсь.

– И как женщина ты выше среднего уровня. Немного, – уточнил он.

– Немного? – усмехнулась Кейт? – Браво!

– Ты сама сказала, что не нуждаешься в поддержке, – сказал Мэтт, поднимая руки.

– Да, но «чуть лучше среднего»?

– Ладно, ладно. Ты прекрасна, Кейт, и мужчины должны падать к твоим ногам, – сдался Мэтт.

– Теперь это звучит глупо.

– Я сдаюсь. Знаешь, в чем твоя проблема?

– О, Расскажи-ка. Давно хотелось, чтобы ты поведал мне о моих проблемах.

– Ты колючая.

– Колючая? – повторила Кейт.

– Да. Огрызаешься, когда кто-то пытается сделать тебе комплимент, и не меньше оцетиниваешься, когда кто-то тебя недооценивает. Колючка.

– Может, это только ты делаешь меня такой, – возразила она.

Мэтт засмеялся.

– Возможно.

Кейт заглянула в сумку, ища перчатки.

– Денег не надо, – сказал Мэтт. – За счет заведения.

– Я и не собиралась платить. – Она натянула перчатки, подхватила сумочку и покинула кафе с грациозностью, на которую можно было рассчитывать, надев цветастую кепку поверх растрепанных со сна волос.

– Удачи с жертвой номер три! – крикнул вслед Мэтт. Кейт отпустила ручку сумки, чтобы показать ему средний палец. Уходя, она услышала, как он смеется.

– Очаровательно! – произнес Барри. Кейт покраснела.

– Это я Мэтту, – попыталась объяснить она.

– Ну да, конечно.

Барри был похож на медведя: такого же роста, и с гривой длинных седых волос, переходящих в бороду. В свое время он был звукотехником и купил паб «Герцогский шлем» после того, как один печально известный гитарист семидесятых оставил ему немало денег в своем завещании.

– Когда следующее свидание? – спросил Барри.

– Все в курсе моих свиданий? – ответила ему Кейт.

– Ага.

Кейт кивнула. Понятно. От жителей Блексфорда ничего не утаишь.

– Вообще-то, сегодня вечером, – сообщила она.

– Ты же не доведешь и этого парня до слез, правда? – ухмыльнулся Барри.

Кейт прищурилась.

– Постараюсь сдержаться.

Мужчина склонился к ней, его голубые глаза мерцали под черными сросшимися бровями.

– Если кто из этих парней тебя обидит, отправляй их в «Герцогский шлем», – сказал он.

– Спасибо, Барри, – улыбнулась Кейт. Когда тот ушел, она осталась одна на деревенской площади. Было восемь часов утра. Стояла тишина. Ранние пташки уже выбирались за свежей газетой, вскоре захлопают входные двери, дети побегут, поедут на скутерах и велосипедах в школу, а их родители будут провожать их с пакетами и коробками с перекусами. Но сейчас еще было тихо.

Кейт собрала несколько сосновых шишек и положила в потертый пакет, который держала в кармане пальто как раз для такого случая. Иногда она бросала их в камин в спальне, а некоторые привязывала к гирляндам вместе с палочками корицы и сушеными косточками апельсина – как раз сейчас их запас подходил к концу, – а затем развешивала яркие нити украшений на окнах и кухонном комод.

Нужно было проветрить голову. Кейт планировала поработать, а вечером сходить на свидание, хотя она и не испытывала от предстоящего особого энтузиазма. А от выражения блаженства на лице Сары, обнимающей Мэтта, у нее все еще болезненно тянуло где-то внутри. Но почему?

Кейт пыталась вспомнить моменты, когда она была счастлива. Она была уверена, что такие моменты случались: в начале отношений с Дэном и первые несколько недель с Ризом. Но ее удовлетворенность скоро ослабла, уступив место ноющим сомнениям, и в конечном итоге переросла в искреннюю убежденность, что все идет не так. Лаура называла это самовредительством. Кейт же считала это внутренним инстинктом.

– Ты можешь сдаваться на первом рубеже, – говорила Лаура, когда Кейт порвала только начавшиеся отношения с Джеймсом после того, как он измазался майонезом, съев гамбургер. – А это даже не препятствие. Ты бросила его из-за

испачканной губы.

– Все равно бы ничего не вышло.

– Ты не дала ему шанса. Катапультировалась раньше времени. Это классический случай самовредительства, – продолжала Лаура.

– Я с тобой не согласна. Мужчина – это дополнительная опция: брать его нужно тогда, когда это выгодно. Это все равно что воздержаться от четвертого блюда в восточном ресторане с «все включено». То, что это включено в стоимость, не означает, что ты должен это съесть.

Бродя по дому, она заметила, что снег почти растаял, лишь небольшие участки остались занесены в темных нишах под живыми изгородями. За окном потеплело на несколько градусов, серебристый иней на усыпанных листьями дорожках превратился в кашу, а газоны – в болото. Блексфорд находился на холме, и снега там обычно лежало больше, чем в большом городе, довольствовавшемся скудными хлопьями. Как правило, снег ложился в январе, в начале зимы на юге Англии его почти никогда не было. Но этот год оказался уникальным: по прогнозу погоды, декабрь был самым холодным за последние пятьдесят лет, и синоптики обещали, что будет еще холоднее.

Кейт высосала кофейную пенку через отверстие в крышечке и добралась до горячей жидкости. Она улыбнулась про себя. Только первый кофе дня дарил наибольшую радость. Сумка с сосновыми шишками свисала с ее запястья, она шла, а чемодан на колесах трясся на неровностях позади. Время от времени Кейт останавливалась, чтобы поднять багровый или рыжий лист, еще не успевший под действием холода обратиться в коричневый.

Было девять, когда она добралась до дома. На кухонном столе ее ждала корзина с морковью, пастернаком и сельдереем с его щупальцами Чужого; должно быть, отец тоже рано встал сегодня.

Часть сада была отведена под грядки с овощами. Мак взращивал их, сколько Кейт себя помнила. Несмотря на то что у него была дача, он еще приходил обрабатывать участок, прилегающий к их старому дому. И зимой, и летом в овощах у них не было недостатка. А в особо урожайный год доставалось и соседям.

Кейт схватила свой «Полароид» и сфотографировала корзину, закрепив проявившуюся фотографию на пробковую доску. Сняв пальто и шапку, она бросила на кухне свою вечернюю сумочку и чемодан и схватилась за альбом с карандашом.

Стрелки морковной ботвы застенчиво закручивались друг вокруг друга, их оранжевые тела изгибались, обнимая бледный пастернак, который делил с ними ложе. Извилистые корни сельдерея прорастали через грубую кожицу клубня, напоминая монстров Герберта Уэллса.

Она рисовала несколько часов подряд, дополняя линии карандаша тонкими черными чернилами. Пространство вокруг стола было усеяно зарисовками, яркие зеленые цвета на фоне сдержанного коричневого и янтаря. Рождался новый дизайн ткани. Вдохновение могло прийти отовсюду. Как раз в тот момент, когда она думала, что его искра угасла, на помощь ей пришла корзина грязных кривых овощей.

Она рассеянно взяла чашку и сделала глоток.

– Бр-р! – поморщилась Кейт, никогда не любившая холодный кофе, если, конечно, в нем не было «Бейлиса»[3 - «Бейлис» – ирландский сливочный ликер, один из самых популярных и продаваемых (прим. ред.).], а лед не был положен специально. Она подошла к шкафу, вынула кофейный картридж и включила кофемашину. При этом осознала, что все еще ходит в уличной обуви, но как раз в тот момент, когда собралась ее снять, зазвонил телефон. Это была Лаура.

– Привет, предательница, – сказала Кейт.

– Что?

– Ты рассказала Мэтту о моем свидании. Он назвал того парня плачущим веганом.

Лаура рассмеялась.

– Великолепное определение, – заключила подруга.

– Лаура!

– Ой, прости. Я не думала, что это секрет. И вообще, рано или поздно ты сама ему рассказала бы. Ну, когда взглянула бы на эту историю с юмором.

– Я гляжу на нее с юмором, просто не хочу, чтобы он посмеивался надо мной у меня за спиной, – возразила Кейт.

– Не думаю, что Мэтт из тех, кто хихикает за твоей спиной, – заявила Лаура.

Кейт вздохнула.

– Я тоже так думаю, – покорно согласилась она. – Зачем ему это, когда он может смеяться мне в лицо?

Второй ботинок соскользнул с ноги Кейт и прокатился по полу, оставляя на досках грязный след.

– Ладно, что мы о нем говорим? Я звоню тебе не для того, чтобы обсудить Мэтта. У меня пять минут, пока Чарли не проснулся, а Мина поймет, что я не смотрю вместе с ней мультики. Где и с кем будет свидание сегодня вечером? – поинтересовалась Лаура.

Кейт вытирала пол, зажав телефон плечом.

– Сегодня катание на коньках с Энтони.

– На коньках? – взвизгнула Лаура. – Ты? – На заднем плане раздался детский плач. – Почему ты выбрала коньки?

– В качестве альтернативы предлагались картинг и приготовление пирога. Пирожков я и так делаю предостаточно, а вождение моей «Мини» – тот же картинг, по сути.

– Не хватало только на льду опозориться, – саркастически сказала Лаура. Плач усиливался. – О, черт! Ладно, быстро расскажи, что известно об этом Энтони.

– Шесть футов и три дюйма, темно-каштановые волосы, короткие, но спереди довольно интересные, карие глаза, пожарный, двое детей, отец-одиночка, разведен... – Кейт прервалась.

– Неудивительно, что ты выбрала коньки.

Плач в трубке превратился в сирену, пронзительную и безжалостную. Кейт слышала, как Лаура, тяжело дыша, побежала вверх по лестнице в детскую.

– К тому же пожарный! – добавила она. – Мама идет, Чарли! Ну, звучит многообещающе. Он в курсе, что ты не умеешь кататься?

Теперь источник плача находился рядом с микрофоном мобильного. Лаура, похоже, взяла ребенка на руки. На заднем плане слышался пронзительный голос девочки: «Ма-а-а-амочка! Ты где?»

– О господи! – воскликнула Лаура.

Кейт слышала шаги подруги, пока та спускалась вниз по лестнице с Чарли, который не переставал вопить.

– Мне пора, – крикнула Лаура, – завтра мне все расскажешь! Люблю тебя.

Телефон отключился. Кейт сделала себе кофе и вернулась к работе.

Это правда, кататься она не умела. Вообще. Кроме собственных ног, ни на чем другом она равновесие никогда держать не могла, давно отказавшись от мысли стать когда-нибудь чемпионом по прыжкам на пого-стике; ролики, коньки, скейтборды – все это было за пределами ее возможностей. Ей даже просто прыгать было непросто, хотя с тех пор, как она закончила начальную школу, жизненный навык стал еще меньше.

Кейт выпила свежесваренный кофе, просматривая наброски. Она сделала гораздо больше, чем ожидала. Хотелось добавить еще деталей – руки чесались подчеркнуть тени вдоль края сельдерея, но она пересилила себя; стоит ей взять в руки кисть, и еще час будет потерян.

Телефон просигналил, когда она поднималась по лестнице, чтобы принять душ. Отец прислал ей фото овощного супа, который сварил. Она никогда не думала, что в одиночестве Мак станет настолько искусен на кухне и станет наконец самим собой. Он сильно изменился.

«Четыре года!» – подумала она, втирая шампунь в волосы. За это время у Лауры появилось двое детей, а Кейт стала старшим дизайнером. И это только укрепило их дружбу, которая, как казалось, уже угасла навсегда.

Три месяца спустя после возвращения Кейт в Блексфорд у Беллы, одной из «Секси-кошечек и клубочков», обнаружили рак груди. К счастью, она поправилась, но ее друг это потрясло. «Секси-кошечки и клубочки» были солидным клубом женщин за шестьдесят, одиноких по собственному выбору, разведенных или вдов. Эвелин и Петулия были его основательницами. Все начиналось как обычные посиделки: несколько подруг собирались выпить чаю, поболтать за вязанием пледов для церковной ярмарки, чтобы не делать то же самое в одиночестве по домам. За первой встречей последовала вторая, за ней третья; компания из четырех человек разрослась до восьми, затем до десяти. Преимущества наличия группы поддержки вскоре стали проявляться. С помощью друг друга женщины, брошенные обществом, вновь обрели жизнеспособность.

Название их клубу было придумано с легкой руки Барри, который озвучил его в своем пабе в виде шутки.

– Вот и они, – сказал он как-то, когда их группа заняла свои места, во время викторины, проводимой в его пабе. – Блексфордские секси-кошечки и клубочки.

Кое-кто из клиентов продолжал пить свое пиво. Однако местные знали, что будет дальше, и ждали, затаив дыхание.

– А почему, собственно, и нет? – спросила Белла, поворачиваясь к Барри. Ее поднятая бровь вопросительно вздернулась. – Разве то, что мне шестьдесят четыре, становится помехой для секса со мной?

– И со мной? – добавила Петулия, уперев руки в бока.

Остальные женщины с ними согласились. Барри, признав поражение, дал им выпивку на дом. Эвелин настояла, чтобы название их кружка было изменено с «Блексфордских вязальщиц» на «Секси-кошечки и клубочки». Так и случилось. Ходили слухи, что той ночью, после закрытия, Белла показала Барри, насколько сексуальной она может быть. Ни та, ни другая сторона до сих пор не сочла нужным это опровергнуть.

«Секси-кошечки» входили во все сообщества городка; правильнее будет сказать, что они и создавали эти сообщества. Когда не вязали, они организовывали, а когда не организовывали, они планировали. В Блексфорде не происходило ничего такого, что потом не становилось им известно. Ничего! Они, словно скрытые камеры, установленные разведкой Великобритании, собирали информацию под прикрытием лоскутных одеял и вязаных кардиганов.

Когда Белле поставили диагноз, «Кошечки» усиленно собирали благотворительные пожертвования на исследования рака. Так они боролись с опасностью потерять своих подруг и сохраняли позитивный настрой Беллы, пока шло ее лечение.

Шесть суббот подряд они организовывали шесть благотворительных мероприятий. Кейт отклонила предложение стать Мисс Сентябрь для их благотворительного календаря с обнаженными моделями, а также выйти на подиум, демонстрируя их линию трикотажного нижнего белья, но согласилась делать выпечку для продажи на их мероприятиях.

Ее карамельные пирожные стали притчей во языцех. Кейт и Мэтт тогда еще не сотрудничали в плане продажи ее выпечки, но когда Мэтт увидел их, то, еще не подозревая об авторе этих пирожных, заявил, что желает продавать их у себя в «Грушевом дереве».

Кейт возмутилась, услышав это.

– Зря надеется, что я буду продавать ему свои брауни! – гневно воскликнула она.

– Но это поможет растопить лед в ваших отношениях, – возразила Лаура.

– Я прекрасно с этим льдом жила до сих пор.

– А тебе не кажется, что лучше с ним все же помириться? Тебе ведь хочется встретиться с ним, когда ты выходишь из дома.

Кейт надулась на нее так же, как всегда, когда Лаура рассуждала здраво, а подруга не хотела об этом слышать.

– По крайней мере, подумай об этом. Мы же взрослые люди. Дай ему шанс, могу за него поручиться, он надежный друг, и было бы неплохо, если бы мы все снова стали друзьями, как в старые времена, – убеждала ее подруга.

Кейт обещала подумать. Лаура хорошо разбиралась в характерах людей, и если она простила Мэтту его проступки, возможно, он действительно вырос. А в таком маленьком местечке, как Блексфорд, рано или поздно нужно находить выход из тупика в отношениях с любым человеком.

И такой случай подвернулся скоро. Как часть программы реабилитации Мака после кризиса, Мэтт заходил к нему по утрам в среду – Кейт при этом не выходила на кухню – и брал отца с собой в кофейню или прогуляться.

В то утро Мак забыл взять свой ключ, и Кейт пришлось самой открыть им дверь по возвращении с прогулки. К ее раздражению, Мэтт, похоже, не собирался сразу уходить после того, как благополучно доставил ее отца домой. А Кейт была слишком вежлива, чтобы захлопнуть дверь перед его носом, хотя она и промотала такую сцену у себя в голове, получив от этого большое удовлетворение.

Мэтт неуклюже переминался с ноги на ногу, словно хотел в туалет. Он застенчиво улыбался, проводя рукой по волосам каждые десять секунд так, что в итоге они смешно поднялись торчком, отчего он стал напоминать куклу из «Маппет-шоу».

– Слушай, Кейт, – сказал, наконец, он, – мы неделями не видим друг друга. И это понятно. Я тогда был настоящим говнюком.

Кейт сделал шаг назад и смотрела на него свысока, задрав подбородок.

– Да, – произнесла она, – это верно.

– Я действительно все делал плохо, мне жаль.

– Ты вообще ничего не делал.

– Да. Это так, – согласился он.

– И я никогда не скрывала, что наши отношения были ошибкой.

– Я знаю.

– Худшей ошибкой, которую я совершала.

– Я это заслужил, – сказал Мэтт. – Я был в ужасном положении, и все это свалилось и на тебя, потому что ты была для меня тогда самым близким человеком. – Прежде чем она успела подняться, он примирительно поднял руки. – Я не прошу простить меня, – добавил быстро, – просто объясняюсь. Но мы оба живем здесь, и пришло время бросить топор войны. Желательно не мне в голову.

– Ты все это говоришь только для того, чтобы договориться о пирожных? – спросила Кейт.

– Нет. Я говорю это потому, что хочу вернуть своего друга. И да, потому что я хочу продавать твои пирожные у себя в кафе. И потому что я не могу притворяться, что не вижу тебя, когда ты прячешься в кустах, стараясь не попадаться на пути, – ухмыльнулся он. – Извини.

Лицо его выражало искренность. Кейт видела перед собой мальчишку, намного ниже того взрослого, каким он стал теперь; мальчишку, который был ее лучшим другом, от которого она никогда бы не смогла отвернуться.

– Извинения приняты, – сказала она, сдаваясь.

Лаура была права: они стали взрослыми, и дальше держать обиду на него было ни к чему. Тем не менее она не собиралась сразу же сблизиться с ним; пройдет время, прежде чем им с трудом удастся восстановить фундамент их отношений. Но их взаимная любовь к Лауре, Маку и Бену уже была солидной платформой, на

которой можно было заново строить дружбу.

– Я понимаю, что мы не можем просто начать с того места, где остановились, – продолжал Мэтт, словно читая ее мысли. – Начнем с самой крошечной, простенькой дружбы из тех, что у тебя есть.

– Я собираюсь выпить чаю, – сказала Кейт, – можешь присоединиться, если хочешь.

Повернувшись, она пошла на кухню, оставив входную дверь открытой. Знала, что Мэтт последует за ней.

– Я буду делать пирожные для твоего кафе, – произнесла она, не оглядываясь. Позади уже слышались его шаги. – Но это будет недешево. И я хочу бесплатный кофе пожизненно.

Повернувшись, она увидела, что Мэтт улыбается ей. И улыбнулась ему в ответ.

До катка было сорок пять минут езды. У нее не было времени делать прическу, поэтому она просто собрала волосы в хвост. Натянула узкие джинсы четырнадцатого размера, которые уже становились немного обтягивающими. «Наверное, сели при стирке», – сказала она себе. Ее задница была круглой, всегда такой была. Никакие тренировки в зале ничего не меняли; собственно, походы в спортзал делали ее только тверже, не меняя формы. Но были вещи похуже, чем круглая задница. Действительно, какой смысл в джинсах, если ваша задница заполняет ее не полностью? Она надела красный свитер, любезно предоставленный «Секси-кошечками и клубочками», с серебряными елочками на воротнике, манжетах и по нижнему краю. Потом подкрасила губы в тон к свитеру, побрызгалась духами, любезно предоставленными матерью, и была готова отправиться на свидание.

Кейт выбежала из дома, когда времени на дорогу оставалось уже впитык. На улице было темно и холодно, и пока печка яростно работала, отогревая лобовое стекло, она размышляла, не променять ли свидание на бокал красного вина и какую-нибудь дурацкую передачу. Но потом вспомнила, сколько заплатила за участие, и смирилась со свиданием, на котором ей предстояло выглядеть как корове на льду.

Кейт приехала, когда на арене заканчивался хоккейный матч. Одна из организаторов «Двенадцати свиданий» протиснулась через толпу влюбленных, столпившихся у входа, по пути сканируя QR-коды на экранах телефонов участников. Время от времени она провожала кого-то из недовольных участников, которые предпочли кого-то более симпатичного тому, кто значился в программе как их партнер.

Организатор – девушка, достаточно юная, чтобы быть дочерью некоторых из клиентов, – отсканировала телефон Кейт и указал ей на Энтони, который, казалось, вздохнул с облегчением, увидев ее, и показал коньки, которые держал в руках за связку шнурков. Кейт улыбалась, проталкиваясь через толпу, некоторые лица были ей знакомы с кулинарной школы.

– Привет, – сказал Энтони, – я успел взять шестой с половиной, очень быстро расхватали.

Он передал коньки Кейт.

– Поразительно! Как ты узнал мой размер обуви? – удивилась она.

Мужчина рассмеялся.

– Не волнуйся. Я не сумасшедший и не следил за тобой. Догадался о размере по твоей анкете и фотографиям, – пожал он плечами. – Среди женщин твоего роста редко встречается восьмой размер ноги.

Кейт тоже рассмеялась.

– Что ж, справедливо. Ладно, думаю, пора надеть на меня этих монстров.

– Кажется, ты не горишь энтузиазмом.

– Я не умею кататься, – призналась она. – Вообще.

– Тем не менее выбрала свидание на коньках?

– Это был лучший вариант из трех. А я никогда не уклоняюсь от трудностей, – ответила она.

– Я тоже. – Тон, с которым он это сказал, наводил на размышления. Кейт почувствовала себя несколько легкомысленно громко хохотнула с пороссячим взвизгиванием в конце. «Держи себя в руках, Тернер», – подумала она, мысленно дав себе отрезвляющую оплеуху.

Энтони подвел ее к скамейке и начал ослаблять шнурки на коньках.

– Моя главная задача – не сломать ноги себе, другим и не собрать на льду кучу-малу.

Энтони усмехнулся низким смешком, громыхнувшим, казалось, откуда-то из диафрагмы.

– Не волнуйся. Я не позволю тебе упасть.

Он улыбнулся, и Кейт покраснела. Это было самое романтическое, что она слышала за последние годы.

К ее изумлению, он взял ее ступню руками, осторожно протолкнул в жесткий ботинок и плотно затянул шнурки. Кейт надеялась, что, когда он трогал ее ступни, ноги не были влажными. И очень надеялась, что они не пахли.

Несмотря на холод, Кейт пришла на место свидания разгоряченной. Ей бы очень хотелось не надевать красные рождественские носки. Это был слишком интимный акт. Она не знала, куда себя девать. В обувных магазинах она никогда не сталкивалась с такой проблемой. Закончив, он посмотрел на нее с хищной усмешкой, и Кейт показалось, что от ее щек идет пар.

Хоккеисты наконец покинули лед, и когда ледовые комбайны «Замбони» отполировали каток до состояния зеркала, парочки из «Двенадцати свиданий» с воплями и визгами хлынули на лед. Уровень катания у них оказался разный, чему Кейт была очень рада. И хотя некоторые пары мгновенно покатались, взявшись за руки, как Торвилл и Дин, было немало пьяных объятий, шатунов и прилипал, которые медленно двигались вдоль борта катка, не выпуская опору из

стиснутого кулака: Кейт решительно примкнула именно к этой последней группе.

– Я просто пойду потихоньку, – сказала она Энтони, – можешь помахать мне, когда будешь проезжать мимо.

Они стояли у входа, и Кейт поняла, что цепляется за край бортика из оргстекла и боится выйти на лед.

– Дело в том, что если мы не катаемся вместе, то это не свидание, – заметил Энтони. – Как мы узнаем друг друга, если не будем говорить?

– Я буду выкрикивать интересные факты о себе, когда ты будешь проезжать мимо.

Энтони рассмеялся низким грудным смехом, как Зеленый Великан из рекламы, только выглядел он гораздо лучше. Затем крепко обнял Кейт за талию и прижал к себе, почти оторвав от земли.

– Я же обещал, что не дам тебе упасть. Доверься мне, я пожарный.

Пока Кейт старалась не превратиться в ватную куклу, Энтони вытянул ее на лед. Верный своему слову, он так крепко ее обнял, что, несмотря на то что ноги ее постоянно разъезжались, она не упала. После пары кругов девушка расслабилась, перестала визжать и начала наслаждаться катанием, точнее, его имитацией.

– Знала бы я, что для катания на коньках достаточно шестифутового пожарного, я бы каталась чаще! – крикнула она.

Энтони расхохотался. Еще несколько кругов, и Кейт чувствовала себя уже достаточно уверенно, чтобы поддерживать разговор на ходу, они немного побеседовали о работе и поговорили об увлечениях.

Дети жили с Энтони с понедельника по вечер пятницы, а у его бывшей жены – каждые выходные.

– Это непривычно, правда? – спросила Кейт.

– Да, – ответил Энтони, – но так и должно быть. Ее зарплата выше, чем у меня. Заканчивает она позже, а у меня дружная семья, которая помогает мне, когда я на смене. У нее же никого нет. Так что логичнее было мне взять себе детей. Но это не значит, что она любит их меньше.

– Конечно, нет.

«Вот дерьмо!» – подумала Кейт. Это было именно то гендерное равенство, о котором она так много говорила, но, когда с ним столкнулась в действительности, ее стали посещать сомнения в правильности своих идей. Ей сразу же стало стыдно. Феминистское «я» неприятно кольнуло внутри.

– Похоже, у тебя хорошие отношения с бывшей, – произнесла она вслух.

– Это в основном ее заслуга.

«Феминистка без чувства собственного достоинства и сексуальный пожарный шести футов ростом», – подумала Кейт. Этот парень был настолько привлекательный, что у нее участилось сердцебиение.

– Могу поспорить, что ты нарасхват, – заметила она.

Энтони рассмеялся.

– Врать не буду, возможности для отношений у меня были.

«Да уж наверняка!» – мелькнуло в голове у Кейт.

– Тогда зачем тебе эти двенадцать свиданий? – спросила она.

– Потому что у меня никогда не хватает времени или сил, чтобы искать кого-то. А бегая между работой и школой, я вряд ли кого-то повстречаю. Ну а ты? Ты умная и сексуальная даже в носках с оленями, у тебя отличная карьера. Что тебя останавливает?

– О, я просто слишком ленива, – пояснила она.

Смех Энтони, низкий, похожий на шуршание гравия, казалось, заставлял Кейт выскользнуть из одежды.

Когда голос организатора через громкоговоритель призвал участников сделать перерыв на чашечку горячего шоколада, Энтони с легкостью подхватил Кейт под мышку и заскользил к выходу. Тяжелые коньки Кейт бесполезно болтались в воздухе. Он осторожно опустил ее на ковровое покрытие, подождал, пока она вспомнит, как люди ходят по твердой земле, и только затем отпустил ее. Кейт не могла отрицать, что чувствовала себя несколько возбужденной, и не только от быстрого катания.

Они сидели за липким пластиковым столиком, Кейт подцепляла ложечкой взбитые сливки с поверхности напитка и слушала, как Энтони рассказывает о своих детях.

– Хочешь посмотреть их фотографии? – спросил он.

Кейт кивнула, и он достал телефон. На экране высветились два улыбающихся детских личика. У них были темные волосы, как у отца. Резкая боль поднялась откуда-то снизу до ее сердца. Кейт задалась вопросом, какого цвета будут волосы ее детей? Будут ли у них ее зеленые глаза? Цвета болота, как описал их Мэтт. Или они будут того же цвета, что у их отца? Странное чувство жажды неизвестного проснулось в ней; одно из самых приятных чувств в этой жизни.

– У тебя прекрасные дети, – произнесла она.

– Спасибо. – С довольным видом он убрал телефон в карман. – Трудно познакомиться с кем-то, когда у тебя есть дети. Я хотел бы встретить кого-то особенного, но в глубине души всегда беспокоюсь: любит ли она детей? Понравятся ли ей мои дети? Понравится ли она моим детям?

– Это, конечно, важно, – согласилась Кейт. – Но знаешь, когда люди нашего возраста знакомятся, естественно предполагать, что у кого-то из них есть дети. Например, для меня это никогда не было препятствием к знакомству.

Энтони вздохнул, размешивая шоколад.

– Но всегда возникают дополнительные ожидания.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, люди судят о моем характере определенным образом, потому что видят моих детей, но я все еще молод, я хочу большего.

Кейт старалась, чтобы интонации голоса не выдали ее. Она хотела детей. Она знала это. С мужем или без.

– Ты не хочешь больше детей? – спросила она.

– Нет, – ответил Энтони. – У меня уже есть. Они идеальны. Я их обожаю. Но больше не хочу. Я все это уже проходил, понимаешь? Бессонные ночи, зубы режутся... И я беспокоюсь, что если у меня будут дети от другой женщины, мои малыши будут чувствовать, что они лишние.

– Все зависит от того, как ты справишься с этой ситуацией, – возразила Кейт. – Я имею в виду, ты можешь встретить кого-то, кто заставит тебя изменить мнение. Никогда не говори никогда... правда?

Энтони осушил свой стаканчик и потер руки.

– Нет. Это не про меня. Я себя знаю. Если принял решение, то так и будет. – Он указал на каток. – Продолжим?

Кейт кивнула, пытаясь скрыть под улыбкой свое разочарование. Энтони протянул ей руку, и она нырнула под нее, сжавшись у его бока. Когда Энтони вынес ее на лед, она твердо приняла решение не дать унынию овладеть ее настроением. Вместо этого поклялась насладиться первым и последним свиданием с красавцем-пожарным и просто вписать его в список своих побед.

Все шло замечательно. У них было много общего, не считая умения держаться на коньках. Но Кейт не собиралась тратить время на то, что не приведет ее к желаемому; все же она заслуживает лучшего. Заслуживает быть с кем-то, кто не

станет просить ее пойти на компромисс в таких важных вещах, как дети.

Энтони помог Кейт управиться с коньками, и они вместе отправились на парковку. Кейт припарковалась в дальнем углу, и он проводил ее до машины. «Рыцарь во всем», – подумала она. И на секунду ее решительность пошатнулась.

Энтони прочистил горло.

– Мы увидимся еще раз? Я бы очень этого хотел, – произнес он.

Кейт нахмурилась, но сдержалась.

– Было бы здорово, – начала она, – но...

– Пожалуйста, не надо «но», – перебил Энтони. – Ты мне очень нравишься, и мне кажется, я тебе тоже.

Кейт выпрямилась.

– Но дело в том, – продолжила она, – что я хотела бы однажды завести детей. Я вовсе не собираюсь обязательно найти отца моих детей на этих свиданиях. И собственно, даже не считаю, что в моей семье обязательно должен быть мужчина. Но прямо сейчас я не хочу начинать отношения с кем-то, в кого могу серьезно влюбиться, потому что эти отношения обречены на провал, ведь в конце концов я захочу детей, а ты – не захочешь.

– Ничего себе, – ответил Энтони, – мне казалось, ты никогда не уклоняешься от трудностей.

– Это не трудность. Это тупик. Я не собираюсь менять свое мнение, и ты, кажется, тоже. Ты сам сказал, что принимаешь решение раз и навсегда.

– Жестоко, но справедливо, – согласился Энтони.

Кейт пожала плечами.

– Ты был со мной честен, и я отвечаю тебе тем же.

– Я ценю это. Ты права. Я не хочу больше детей. Пока. Не буду врать, они изматывают. Наверное, с тобой мне было бы гораздо проще.

– Мне тоже так кажется, – согласилась Кейт.

И протянула ему руку, но Энтони обнял ее за талию и притянул к себе.

– Если ты не против, – произнес он, – я хотел бы уйти, почувствовав, как все могло бы сложиться, если бы было иначе.

– Не против, – сказала Кейт.

Это был хороший поцелуй. Такой, от которого прокатывается волна по телу, до пальцев и обратно. Но все же, когда он ушел, девушка чувствовала, что приняла правильное решение. Она все еще думала об этом поцелуе, когда вернулась на Блексфордскую площадь. Фары ее авто осветили кафе «Грушевое дерево» и Мэтта, опасно балансирующего на лестнице, с которой он развешивал гирлянды.

Кейт остановилась и вышла.

– Господи, что ты творишь? – воскликнула она.

– А на что похоже? – ответил он напряженным голосом, вытягиваясь, чтобы закрепить провода.

– Зачем тебе понадобилось их вешать в полдвенадцатого ночи? – удивилась она.

– Днем у меня не было времени, – ответил он. – И если бы я вешал днем, каждый таракан давал бы мне совет, как делать это правильно.

– Вот там немного не хватает! – сказала Кейт.

Мэтт, поморщившись, бросил на нее взгляд.

– Очередная умная задница. Будешь помогать или давать мудрые указания?

– Давать указания.

В какой-то момент Мэтт отклонился слишком далеко, и лестница зашаталась. Кейт вцепилась в нее и осторожно выровняла.

– И помогать, – добавила она.

Вдвоем им удалось без происшествий запустить гирлянду из светящихся сосулек вдоль крыши кафе, а сверху прикрепить веселого Санту в санях. Когда они закончили, пальцы Кейт занемели от холода.

– Подожди минутку, схожу включу гирлянду, – попросил Мэтт. – А потом сделаю нам горячий шоколад.

Кейт ждала, согревая ладони дыханием, пока друг вернется из темного кафе. Через мгновение фасад осветился сотнями сверкающих нитей, грациозно покачивающихся, как щупальца медузы. Щеки веселого Санты пылали, как красные маки; казалось, что он вот-вот оторвется от крыши и взлетит, посвистывая, со своим фирменным хохотком.

Мэтт присоединился к ней, и они стояли, восхищенные своей работой на тихой деревенской площади.

– Пойдем, – сказал ей Мэтт через минуту, – у меня молоко на плите.

Кейт прошла вслед за ним на кухню через неосвещенный зал. В темном пустом кафе было что-то успокаивающее, обнадеживающее, словно оно спало, ожидая утра, чтобы снова ожить.

Под одной конфоркой горел огонь, Мэтт накладывал какао и сахар в кастрюльку с молоком, яростно перемешивая его маленьким венчиком, похожим на воздушный шар. Затем он повернулся к кухонному столу и разлил горячий шоколад по кружкам. Одну из них он передал Кейт.

– Эксклюзив от «Секси-кошечек», – спросил он, указывая на ее свитер.

– Как ты догадался? Это один из шедевров Петулии. Она связала его, кажется, на позапрошлом Рождество.

– А что на этот год? – спросил он.

– Не знаю. Надо спросить у нее.

Кейт сделала глоток из своей кружки.

– Отлично, – похвалила она. – С корицей?

Мэтт довольно кивнул.

– Палочка корицы. Бросается в кастрюлю, когда молоко еще не закипело.

Кейт благодарно кивнула.

– Ну, так как свидание? – спросил Мэтт.

– Просто прекрасно.

– Прекрасно? Это весомое слово! – заметил он.

– Он мог бы стать серьезным соперником для других.

– Но? – продолжил за нее Мэтт.

– Но мы больше не увидимся.

– Не хочешь об этом говорить?

– Вообще-то, нет.

Некоторое время они молчали, потягивая шоколад.

– Помнишь, как мы пролезали сюда, когда мама закрывала магазин, и делали мороженое? – спросил Мэтт.

– А как воровали шоколад из холодильника?

Мэтт засмеялся.

– Да уж. Пробирались через заднюю дверь на корточках, пока мама не видит.

– Ее крики потом было слышно с дальнего конца сада, – рассмеялась Кейт.

– Чертовы дети! – потрясая кулаком воскликнул Мэтт, копируя интонации матери.

– Сейчас вспоминаю, какими же мы все-таки были засранцами, – сказала она.

– Это точно. Зато неплохо повеселились.

– Конечно.

– Нам надо синхронизировать воспитание наших детей. Хочу, чтобы твои и мои дети росли вместе, как мы.

– Может, придется тебе подождать, чтобы со мной синхронизироваться, – задумалась Кейт.

– Ничего, – ответил Мэтт, – я не тороплюсь.

Они допили шоколад и поставили пустые кружки в раковину.

– Мне пора, – сказал Мэтт. – Дома Сара, ей нужно составить кучу документов. Она беспокоится.

– Ладно. А у меня еще работа утром. Мне пора в кровать. – Кейт почувствовала, как мышцы на ногах начали болеть от катания на коньках.

Мэтт махнул ей на прощание. Он все еще стоял на месте, когда она завернула за угол.

5 декабря. Четвертое рождественское свидание

– А это обязательно должно быть «Грушевое дерево»? – спросила Кейт. – Я была там прошлым вечером, помогала Мэтту с освещением. Надо сменить декорации. Разве нельзя поехать в город? Возле парка Фитцвильям открылось неплохое местечко.

Было субботнее утро, Кейт говорила с Лаурой по телефону.

– Я всю ночь не спала, – голос Лауры нервно звенел, – у Чарли режутся зубки. А когда просыпается Чарли, просыпается и Мина. Единственный, кто в нашей семье не просыпается, это Бен. Ты хоть представляешь, как трудно втиснуть двух детей в автокресла, а потом еще всю дорогу слушать диски со стишками, пока они орут?

Кейт хотела ответить, но Лаура не останавливалась.

– Не заставляй меня оставаться дома. Мне нужен кофе. Нужно место, где есть другие взрослые. И кофе. Кофе очень важен.

– Тебе нельзя кофеин, ты же еще кормишь грудью, – напомнила ей Кейт.

– Мне нравится пить кофе без кофеина и обманывать себя, – ответила Лаура. – Кейт, ради бога, помоги мне.

– А как насчет чайной в поместье? Там можно взять напитки бесплатно, ведь ты там работаешь? – предложила она.

– Мои дети в поместье не соблюдают этикет. А в «Грушевом дереве» есть игрушки, это место как раз для детей, и Мэтт меня не выставит, он же их крестный. Не подведи меня, – предупредила она. Сегодня Лаура была просто на грани. – Мне нужно выдохнуть. Место, где я могу выпить кофе без кофеина, а мои дети не будут меня позорить.

Час спустя они сидели на диване в дальнем углу кафе «Грушевое дерево». Мина на двухместном диванчике строила игрушечную деревню, а Чарли с нетерпением следил за прогрессом строительства из своей коляски. Обращаясь к зафиксированной аудитории в лице Чарли, Мина в стиле детского телеведущего давала подробный комментарий, что делала каждая игрушка.

Лаура поставила на низкий журнальный столик пустую чашку из-под капучино и потянулась за следующей. Кейт только что закончила свое повествование о злополучном свидании с пожарным. Лаура внимательно слушала. Опыт участия Кейт в этом проекте был увлекательнее, чем «Фейсбук» и все журнальные сплетни; Лаура начала задумываться о том, что им нужно видаться почаще.

– И ты даже не дала ему свой номер? – спросила она.

– А смысл?

– А как же зов плоти?

– Если бы мне нужен был только секс, я бы не стала платить столько денег “Lightning Strikes”, – заметила Кейт.

– Ты знаешь, сколько стоит жиголо экстра-класса? – спросила Лаура. Кейт проигнорировала ее последние слова. – Ладно, кто там на очереди?

– Сэм. Тридцать восемь лет, обожает мотоциклы, – зачитала Кейт.

Лаура поморщилась.

– Пожалуйста, пообещай, что не сядешь с ним на мотоцикл. Ты на велосипеде-то едва держишься. Не стоит пытаться пересаживаться на велосипед с двигателем.

– Не беспокойся, – ответила Кейт, – я знаю предел своих возможностей.

Звон бьющейся посуды за барной стойкой вызвал ликование и подбадривающие взмахи посетителей. Мэтт отвесил поклон, и навсегдаи вернулись к своим разговорам.

– Что еще о нем известно? – продолжала Лаура. Мина все еще подбадривающе махала руками, а Чарли копировал ее жесты.

– Он графический дизайнер.

– Дзынь. – Лаура поставила в воздухе галочку.

– В профиле он пишет, что хочет иметь детей.

– Дзынь. – повторила Лаура.

– Серьезно увлечен защитой окружающей среды.

Лаура прижала руки к груди.

– Отлично, просто отлично! – воскликнула она. – Покажи его, пожалуйста.

Кейт взглянула на фото Сэма и передала телефон Лауре. Волосы мужчины были коротко пострижены, светлые, с легкой сединой на висках. Мужественная челюсть и щеки были гладко выбриты, а вокруг глаз собирались морщинки, когда он улыбался.

– Дин-дон! – воскликнула Лаура. – Игра окончена. Он красавчик.

– С этим не поспоришь, – согласилась Кейт.

Веки Чарли начали тяжелеть и опускались все ниже, и даже щебет Мины не мог этого исправить. Почувствовав, что она теряет аудиторию, девочка протиснулась мимо коляски и побрела по кафе в юбочке, как у балерины, и резиновых сапогах. Она подошла к Мэтту, который только что поставил поднос с

пирожными на стол, занятый шестью клиентами с суровыми лицами, и протянула ему ладошку. Мэтт, смеясь, подхватил ее на руки и покружил, Мина схватила его за щеки.

– Похоже, Мэтт нашел человека со схожим уровнем интеллекта, – заметила Кейт.

– Это невежливо! – возразила Лаура. – Мина гораздо умнее.

Мэтт подошел к их дивану. Довольная девчушка уселась на подлокотник, слизывая глазурь с кекса.

– О, огромное спасибо! – язвительным тоном заметила Лаура. – Ты дал моей гиперактивной дочери порцию углеводов. Наверное, ты в курсе, как я ненавижу спать.

Мэтт улыбнулся.

– Это рекомендации из «Руководства для хороших крестных», – сказал он. – Кроме того, это чепуха. Большого вреда не будет.

Он шутливо высунул язык, с глупой улыбкой скосив глаза к переносице.

– Я натравлю на тебя птиц, – пригрозила Лаура, – найду и натравлю.

Мэтт не любил птиц. Даже воробьев. От малиновки на рождественской открытке его передергивало.

– Почему ты не любишь птиц, дядя Мэтт? – спросила Мина.

– У них мозгов больше, – подсказала Кейт.

Мэтт снова показал ей язык.

– Обидно быть для ребенка крестным номер два? – поинтересовался он.

– Не знаю. А тебе?

– Не начинайте! – оборвала их Лаура. – От детей шума вполне достаточно.

– Итак, – Мэтт начал напевать, – новый пистон Рождества...

Лаура не дала ему закончить.

– Прекрати! – воскликнула она. – Мина повторяет все, стоит только услышать, и если ее выгонят из детсада за ненормативную лексику, то я приведу ее тебе на дневную смену.

Мэтт посмотрел на Мину.

– Мама ругает дядю Мэтта, – пожаловался ей он.

Девочка хихикнула и поцеловала его в нос, оставив на нем след розоватого сливочного крема. Звякнул дверной колокольчик, и вошла Сара, румяная и бодрая от холода, ее темные волосы лежали на плечах зеленого твидового пальто.

Кейт увидела ее первой и помахала рукой.

– Привет, Сара!

Сара махнула ей, подходя к столику.

– Привет, – весело ответила она.

Сара смотрела на нее с изящностью юной британской девы, только что закончившей плести венки у журчащего потока. И это было странно, потому что, по ее собственному признанию, она ненавидела деревню.

– Привет, детка, – сказал ей Мэтт.

Он наклонился, чтобы поцеловать Сару, но она отстранилась.

– У тебя там что-то есть, милый, – сказала она, вытирая ему нос салфеткой и затем целуя его в губы. Мина потянулась к ней, и Сара поцеловала и ее тоже.

– Сара, я хотела спросить, когда нам с Миной надо подать заявление на обучение? – обратилась к ней Лаура.

Сара была директором начальной школы в местечке Грейт-Блексли, расположенном под холмом. Жители Блексфорда именовали Блексли городом.

– Вы же ходили на день открытых дверей? – спросила Сара.

Лаура кивнула.

– Я записала Мину в список.

– Это просто список рассылки, мы напомним родителям, когда придет время заполнять анкеты, – сказала Сара. – После Рождества придет письмо от педсовета, там будет сказано, что делать. Школе без разницы, откуда будут ездить ученики, но поскольку вы в живете в нашем округе, будем держать пальцы крестиком.

Лаура переживала: ей хотелось бы получить более определенный ответ, и Кейт понимала, что, если такая важная вещь, как образование Мины, сейчас зависит от случая, это будет стоить Лауре дополнительных бессонных ночей. Лаура и Кейт учились в церковной школе в поместье, но для места там требовалось регулярное посещение церкви, а Бен в упор отказывался ходить в церковь, кроме как на свадьбы, крещение и похороны. И еще, конечно, на детскую церковную ярмарку, но он не считал это регулярным посещением церкви. И блексфордские школьные кураторы, по всей видимости, тоже.

Поначалу Лаура огорчалась, что ее дети не пойдут в ту школу, где училась она сама, но репутация Сары как замечательного директора распространилась еще до начала ее отношений с Мэттом. Сара пришла в школу пару лет назад. У нее были солидные дипломы, и она быстро сумела распространить информацию через ясли и детские сады, что начальная школа в Грейт-Блексли – это именно та, в которую обязательно надо попасть.

– Ну, где будет следующее свидание? – спросила Сара. Кейт и Лаура подвинулись, и Сара присела рядом.

– Четвертое свидание: коктейль-бар, – прочла Кейт.

– Звучит опасно.

Кейт засмеялась.

– Не исключено, что будет грандиозная пьянка, – сказала она.

– Пьянка... – произнесла Лаура, словно вспоминая что-то безвозвратно ушедшее.

Мак и Кейт остановились возле коктейль-бара в половину восьмого. Отец предложил ее отвезти, чтобы не вызывать такси. И, как догадывалась Кейт, чтобы знать, где его дочь напивается с незнакомцами.

– Спасибо, пап. У меня ощущение, что мне снова шестнадцать.

– Оттого, что повзрослела, ты не перестала быть маленькой девочкой для меня, – ответил Мак. – Уверена, что не хочешь, чтоб я заехал за тобой потом? Мне не трудно.

– Пап, я возьму такси, спасибо. Да, чуть не забыла. Эвелин передала мне кекс для тебя, когда я заходила за молоком. Сказала, это в благодарность за овощи, – сказала Кейт.

Мак причмокнул губами.

– Знаменитый кекс от Эвелин! – воскликнул он. – Она потрясающе готовит.

Муж Эвелин погиб молодым, из-за сердечного приступа. Насколько было известно, с тех пор она была одна. Хотя, учитывая, что женщина состояла в обществе «Секси-кошечек», которые контролировали потоки сплетен во всей округе, неудивительно, что эта информация оставалась тайной. С тех пор она сама управляла магазином, не проявляя никакого желания уходить на пенсию, несмотря на то что летом ей исполнилось шестьдесят девять. Это был скорее

склад, чем магазин: Эвелин любила хранить запасов достаточно, чтобы пережить апокалипсис или холодное время года, в зависимости от того, что наступит раньше. Там были как обычные консервы и пакетированные продукты, так и морозильные камеры с готовыми блюдами домашнего приготовления, любезно предоставленными Карлой и ее матерью. Также продавались местные фермерские фрукты и овощи, имелся впечатляющий выбор вин. Ее магазинчик служил одновременно газетным киоском, аптекой и местом сбыта эксклюзивных вязаных носков и джемперов от «Секси-кошечек и клубочков». Если ты страдал от голода или холода, достаточно было обратиться к Эвелин.

Кейт помахала отцу и проследовала в направлении, указанном мигающей стрелкой, вниз по лестнице в обширный цокольный зал. Внутренняя отделка бара была выполнена во французском стиле девятнадцатого века; стены с обоями в стиле Тулуз-Лотрека, кресла с подлокотниками, обитые коричневой кожей, и круглые столики из красного дерева с резными ножками. Одну стену целиком заполняли серые книжные полки, заканчивающиеся где-то под хрустальными люстрами, стеклянные капельки которых легонько покачивались, мерцая.

В зале были две длинные барные стойки с зеркалами позади, отчего создавалось впечатление открытого пространства, и это несколько сбивало с толку после нескольких бокалов. Окруженные шейкерами, стаканами и неприличным числом витиеватых бутылок, распространяющих изысканные ароматы, витающие над барными стойками, пришедшие на четвертое свидание тайком посматривали на своих братьев, выискивая среди них партнеров по свиданию, чтобы занять место рядом.

Кейт заметила Сэма, увлеченно беседующего с женщиной в красной кожаной мини-юбке. Девушка разгладила свое бархатное платье-сарафан и задумалась, не ошиблась ли с нарядом, теплыми колготками и туфлями в стиле пикси. По другую сторону от Красной юбки стоял симпатичный индеец с ухоженной бородой, и на лице его читалась неловкость. Его явно игнорировали. Кейт догадалась, что он, по всей видимости, пришел на свидание с Красной юбкой.

Кейт подошла поближе и попыталась попасть в поле зрения Сэма, вытягивая шею на манер сурикатов. Сэм, казалось, не заметил ее, но парень с бородой лесоруба с улыбкой хлопнул его по плечу и указал в сторону Кейт. Ее партнер, извинившись перед Красной юбкой, с улыбкой подошел, протягивая руку.

– Привет! Извини, это немного невежливо, я заговорился с Клариссой о... но тебе это неинтересно. Я Сэм, а ты, значит, Кейт.

Кейт пожала ему руку, принимая его извинения. Пока они пересекали зал, она заметила, что Сэм еще три раза оглянулся на кожаную юбку Клариссы. Они запрыгнули на барные стулья, изучая коктейльные ингредиенты в ламинированных рецептурных картах, которые больше напоминали преysкурant борделя: «Секс на пляже», «Кричащий оргазм», «Долгое удовольствие» и «Скользкий сосок».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Амелия Хэвишем – героиня романа Чарлза Диккенса «Большие надежды», брошенная у алтаря и пожелавшая носить свадебное платье до конца жизни. – (Прим. ред.).

2

В 1 футе 30,48 см, в 1 дюйме – 2,54 см (прим. ред.).

«Бейлис» – ирландский сливочный ликер, один из самых популярных и продаваемых (прим. ред.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/beyliss_dzhenni/dvenadcat-rozhdestvenskih-svidaniy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)